

Марина Крамер

**АЛЕКС.
ДЕВУШКИ ЛЮБЯТ НЕГОДЯЕВ**

ТАНГО ПОД ПРИЦЕЛОМ

Танго под прицелом

Марина Крамер

Алекс. Девушки любят негодяев

«Марина Крамер»

2010

Крамер М.

Алекс. Девушки любят негодяев / М. Крамер — «Марина Крамер», 2010 — (Танго под прицелом)

ISBN 978-5-699-43871-6

Мария и Маргарита: две подруги, два характера, две судьбы. И один мужчина между ними – Алекс. Таинственный. Властный. Всегда готовый прийти на помощь... Только одного он не в силах сделать – выбрать между ними: бесконечно нежной и все понимающей Марго и хищной, строптивой Мэри. Но сейчас ему не до колебаний и сомнений: Марго и Мэри грозит смертельная опасность. На кону стоят жизни обожаемых женщин. А времени остается катастрофически мало...

ISBN 978-5-699-43871-6

© Крамер М., 2010
© Марина Крамер, 2010

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Крамер

Алекс. Девушки любят негодяев

Часть 1

– Ты знаешь, что такое кровная месть?

– Нет. У нас это не принято.

– А у нас – принято. Эта женщина убила моего брата. Она и меня убила – своими писульками. Давно убила, не вчера...

– Ты уверен в этом? Никто не смог подтвердить, что она причастна, Костя.

– Артур не мог утонуть. Это она – она и ее любовник.

– Тогда почему она до сих пор жива?

– Потому что так нужно.

Черноволосый мужчина сощурил глаза и сжал в кулак правую руку. На безымянном пальце блеснуло кольцо. Собеседник уставился на него непонимающе. Перехватив этот взгляд, тот, кого называли Костей, чуть скривил в ухмылке тонко вырезанные губы:

– Что смотришь? Да, обручальное. Не думал, что так случится в жизни. Люблю ее, суку, до пелены в глазах. Три раза пытался убить – нет, не могу. Все понимаю – долг, семья, месть – а не могу.

Его собеседник только пожал плечами – ему было не совсем понятно, как такое может произойти, и как можно простить то, что сделала эта женщина. Как можно любить – после предательства? И какой же должна быть женщина, чтобы такой уважаемый человек был готов переступить через законы своего рода?

– Ты меня удивляешь, Костя-джан. Серьезный, солидный человек – и тебя за нос баба водит?

Костя грозно посмотрел на него и встал:

– Это не твоего ума дело. Она – моя жена. И я ее верну, клянусь честью. Но сперва все припомню. Недолго осталось. Знаешь, что самое сладкое в мести? Увидеть испуг в глазах, предсмертный животный ужас – и оставить жить.

«Чертовы девки. Когда я научусь не обращать внимания на них? Когда перестану бросать все и ехать-лететь-бежать им на помощь, сломя голову?»

Дорога в Прованс навевала тоску. Нет, виной были не пейзажи, не погода – с этим как раз все обстояло отлично. Причина была проста и обыденна – женщины. Две женщины, которых он любил. Так сложилось, что сидевший в вагоне поезда мужчина имел отвратительную привычку выбирать себе объектом вожделения женщин с тяжелым характером, непростой судьбой и зачастую далекой от модельных стандартов внешностью. А сейчас их было сразу две. Одна – бывшая жена, с которой Алекс – так его звали – не жил уже много лет, но при этом умудрялся постоянно быть в курсе всего происходившего в ее жизни. Вторая... вот тут сложнее. Эта девица не желала подчиняться никаким правилам, не собиралась прислушиваться к чьему бы то ни было мнению, и вообще оказалась слишком неправильной. Что, разумеется, только подстегнуло интерес Алекса к ней. Да и сошлось все как нельзя удачно – они подружились. Хотя, возможно, именно это вносило определенную сложность.

Алекс поправил тонкий черно-белый клетчатый шарф, с которым практически не расставался, сделав его частью своего весьма неоднозначного «я», чуть пошевелился, меняя позу, и взял со столика газету. На последней полосе красовалась фотография молодой женщины, сидевшей в плетеном кресле на просторной террасе загородного дома, и краткая заметка о

новом романе Мэри Кавалье. Мадам Кавалье, как следовало из сухих строчек, осчастливила читающую детективные романы общественность новой душераздирающей историей о некоем Алексе – киллере и вообще мистическом персонаже. В некоторых описаниях вполне отчетливо угадывался он сам...

– Чертова безмозглая девка, – пробурчал Алекс вполголоса, раздраженно отбрасывая газету. – Нужно выйти на ближайшей станции и посмотреть в лавке – вдруг уже можно купить.

Ровно через полчаса, размяв ноги на перроне небольшой станции тихого предгорного городка, он вошел в лавку, торговавшую всякой всячиной, необходимой в поездках, и в том числе книгами в мягкой обложке. Имя Мэри моментально привлекло его взгляд – выделенное кроваво-красным на черно-белом фоне. Усмехнувшись, Алекс взял книгу.

– Интересуетесь, месье? – моментально возникла за его спиной молодая полная девушка в фирменном фартуке-накидке. – Это очень хорошая книга, я читала то, что мадам Кавалье написала раньше. Так могу сказать ответственно, месье – вы не пожалеете денег, который потратите.

– Не сомневаюсь, – иронично хмыкнул Алекс и полез в карман. – Давно не отдавал за пачку листов почти двадцать евро, – он протянул деньги девушке, не слушая, как та смущенно пробормотала что-то о высокой стоимости аренды, а про себя подумал, что Мэри, должно быть, получила бы неплохой гонорар, если бы владелец издательства не растаял в неизвестном направлении.

Хитрый жук перепродал права своему приятелю и очень здорово надул всех, кто сотрудничал с ним. В том числе и Мэри, которая рассчитывала на эти деньги, чтобы иметь возможность прооперировать ногу, сильно покалеченную в автомобильной аварии.

Вернувшись на свое место в вагоне, Алекс углубился в чтение, с удивлением отмечая, что девчонка сумела с первых страниц сделать нечто такое, что заставляло не отбросить книгу, а дочитать до конца. Вот только главный герой... очень он смущал его, очень смущал.

Она всегда отвратительно чувствовала себя с похмелья, что, собственно, неудивительно.

«Я – безмозглая идиотка, ну, зачем вчера так напилась, скажите мне? И ведь винить некого – Марго честно пыталась прекратить творящееся безобразие, но тщетно. Когда Марго удавалось справиться со мной? Да никогда».

Она привычным жестом протягивает руку и берет костыли. После операции бывшая танцовщица Мария Лашенко смогла встать на ноги, однако ходить без подпорок пока так и не научилась. Левая нога оказалась слишком искалечена в аварии, и даже кудесник-хирург из Франции ничего не смог с этим поделать. Опирается на ногу возможно, но боли... Да, главное – вот эти ужасные боли, от которых Мария буквально лезла по ночам на стену. Собственно, и алкоголь – поэтому.

Она ковыляет к большому комоду, заменяющему ей туалетный столик. Оглядев в зеркале свое бледное лицо с огромными черными тенями вокруг глаз, скептически хмыкает – хороша девушка, ничего не скажешь...

– Ты проснулась? – в дверях появляется лохматая спросонья голова Марго. Лицо чуть опухшее, сонное еще, в руке – надкушенное яблоко.

– Проснулась.

– Что – головка бо-бо? – ехидно интересуется она, входя и заваливаясь на кровать.

– Отстань, а?

– Мэри, – Марго переворачивается на живот и, откусив от яблока, смотрит на подругу серьезно и чуть озабочено. – Дорогая, мне очень не нравится тенденция...

Мэри разворачивается так, чтобы не видеть в зеркале укоризненного взгляда Марго и не чувствовать себя виноватой. Берет расческу, начинает раздирать спутанные волосы, и у Марго сдают нервы – она кидает яблоко на кровать, встает и отнимает расческу:

– Что ж ты делаешь-то?

Она сама осторожно водит по рыжим волосам, аккуратно разбирает прядь за прядью.

– Мэри, а ведь у тебя волосы седые появились...

– Да и черт с ними...

Марго решительно разворачивает совершенно безучастную к происходящему Мэри к себе, наклоняется и шипит в самое лицо:

– Так, хватит! Что случилось вчера?

«Ну, как я скажу ей, что именно случилось? Никак»...

С того самого дня, как русские девушки живут в Провансе, у Мэри регулярно что-то случается. Постоянно – просто по календарю. А вчера ей вдруг позвонил Алекс. Потерявшийся почти на три месяца Алекс. Позвонил ей – а не Марго, и теперь Мэри должна о звонке сообщить подруге, но не сделает этого ни за что. Вчера она сказала ему много лишнего – и он тоже вспылал. И ударил ниже пояса – в буквальном смысле. Так и заявил:

– Скажи спасибо своим костылям – я не опускаюсь до того, чтобы приехать и дать тебе пару пощечин. Тебя и так жизнь ударила.

Собственно, Мэри не особенно расстроилась – ударившая ее чуть больше года назад жизнь преподносила потом еще кучу сюрпризов, и слова Алекса уже не ранили. Но зачем Марго это знать?

– Марго... клянусь – ничего. Я работала почти до трех, потом легла...

– Ну, конечно! А перед этим ухитрилась достать из шкафа бутылку коньяка?

– Да ты ж видела!

– Видела, – согласно кивает Марго. – Но с сегодняшнего дня больше не буду видеть.

Мэри опустила глаза – значит, с сегодняшнего дня ей уже не удастся убедить Марго в том, что в состоянии легкого «подшофе» эффективнее пишется...

За этот год с небольшим Марго сумела заменить Мэри все и всех – няньку, массажистку, врача, секретаря и агента одновременно. Если бы не Марго – никто больше не услышал бы о Мэри Кавалье, а с ее помощью она продолжала писать и издаваться. Правда, теперь делала это во Франции.

А Марго, меж тем, доводит до финала свою гневную тираду, попутно заканчивая возиться с волосами подруги:

– И вообще. Ты в четверг ложишься в больницу, нужно закончить рукопись – а ты пьешь.

– Марго! Хватит! Я не буду дописывать эту книгу, сто раз говорила.

– Будешь.

Вот так – будешь, и все, спорить бесполезно. Но не в этом случае. Этот роман Мэри ни за что не хотела отдавать французам, просто Марго еще не была в курсе. Визит в больницу – последний, контрольный, так сказать, а потом...

Про «потом» Мэри думать боялась и не хотела. Марго настояла на их отъезде из Прованса назад, в Россию. И дом уже им не принадлежит – она продала его через то агентство, где работала сама, договорившись с новым владельцем об отсрочке переезда. Владелец, еще молодой художавый француз по имени Люка, тихо помешанный на Японии, узнал в Мэри авторшу двух нашумевших во Франции детективных романов, залебезил и сообщил, что он не торопит с переездом, и девушки могут жить здесь, сколько потребуется.

Люка познакомил их со своей женой – миниатюрной Окини, самой настоящей японкой из Июкогамы. Супруги стали часто бывать в доме, развлекая почти прикованную к постели Мэри, и даже навещали ее в больнице после операции. Мэри же с удовольствием наблюдала за их отношениями, за тем, как они общаются, и со временем пришла к выводу – Люка любит не столько саму Окини, сколько ее происхождение и совершенно идеальную по японским меркам внешность. Категоричной и прямолинейной Мэри эта тяга европейца к экзотическому Востоку была понятна, но то, что Люка возводил это в догму и порой доводил до абсурда, слегка коро-

било. Марго же, напротив, искренне восхищалась смелостью француза – мол, не побоялся, ввел в аристократическую семью девушку иной веры и иной культуры. Мэри насмешливо выслушала мнение подруги, но в душе осталась верна себе – Люка ничем не отличается от остальных мужчин в желании иметь что-то не такое, как у соседа, пусть не автомобиль – так хоть жену. Многие мужчины в жизни Мэри свято соблюдали этот принцип. Окини и Мэри понравились друг другу сразу. Они общались на ломаном английском, однако понимали все на каком-то другом, невербальном, уровне. И именно Окини стала прототипом одной из героинь нового романа Мэри.

Пока Мэри пыталась собрать в кучу путающиеся и разбегающиеся мысли в похмельной голове, Марго успела закончить ее утренний туалет и подать костыли. Надо отдать должное местному травматологу – операция помогла, а боли – всего лишь остаточные явления. Доктор заверил, что все пройдет.

Огорчало Мэри только одно – она по-прежнему не могла танцевать. Дело всей жизни осталось для нее несбыточной мечтой, алыми парусами, которых ей, похоже, уже не суждено увидеть.

И переезд...

«Как все это будет, на что мы будем жить? Еще хорошо, что в свое время я настояла на том, чтобы Марго не продавала свою квартиру, а сдала ее», – часто думала Мэри, страдая от бессонницы. Деньги жилец переводил на банковский счет, так что Марго теперь была «невестой с приданым». И еще с каким – на ее руках висела практически не ходячая писательница, широко известная в узких кругах. Мало этого – проблем у этой писательницы было столько, что тем для романов хватит на всю жизнь. Собственно, из-за ее проблем с мужем они с Марго и вынуждены были менять солнечный уютный Прованс на холодную Москву. В общем, как и первоначально сменили Москву на Францию – из-за Кости.

– Мэри, как думаешь – если ты продолжишь писать книги, то тебе придется менять имя? – Марго накрывала стол к завтраку, и Мэри вместо ответа засмотрелась на то, как она снует по кухне – высокая, в домашнем платье, с заколотыми сверху волосами. Если бы не Марго... – Мэри, ты почему молчишь? – она поставила перед подругой чашку кофе и пепельницу и села напротив.

– А? Я не думала об этом, Марго. Могу сделаться Лейлой Манукян – чем плохо имя? Мое, к тому же – по паспорту.

– А зря. Надо думать. Если ты поменяешь имя, то потеряешь ту часть аудитории, которая помнит твой первый роман.

– Да – а если не поменяю и останусь Кавалье – то потеряю голову, скорее всего, – усмехнулась Мэри, делая глоток кофе. – Ты ведь знаешь, что Косте прекрасно известен мой псевдоним.

Костя Кавалерьянц, производным от чьей фамилии был ее литературный псевдоним, до сих пор числился законным мужем. Что, однако, не помешало ему несколько раз попытаться отправить жену на тот свет.

И только присутствие в ее жизни Алекса помогло выжить.

«Алекс... да...», – с глухой тоской подумала Мэри, откинувшись на спинку стула.

Она до сих пор не понимала до конца, кто он. Он – бывший муж Марго, он – опаснейший тип и он же – человек, в которого Мэри влюбилась до беспамятства... Он возникал в ее жизни и в жизни Марго только когда нужна его помощь, когда надеяться больше не на что и не на кого. Между собой подруги порой звали его Призрак Алекс либо просто Господин Призрак. Этаким мрачный отрицательный красавчик-герой с почти модельной внешностью, идеальными манерами и совершенно волчьей хваткой, что в комплексе делало его отталкивающим и притягательным одновременно.

Алекс...

«Надо же – мне до сих пор больно. Я оттолкнула его сама – и мне так больно. Парадокс».

Марго все еще периодически возмущалась странным поведением Мэри, но та была твердо уверена в правильности решения. Дело в том, что Марго и Алекс... эти двое мало того, что были близки раньше – они близки до сих пор, как бы ни старалась Марго убедить подругу в обратном. Это уже даже не сексуальная связь, а что-то больше, выше. И Мэри не могла, не имела права порвать это. Как не могла объяснить причину этого Марго.

...Мэри вернулась с очередного осмотра и обнаружила в палате растерянную и взволнованную Марго. Она сидела на стуле у окна и теребила в руках легкий шарфик – конец июля выдался небывало жарким, и на ней был брючный костюм из тонкого шифона, а шарфик служил вместо шляпки.

– Что-то случилось? – спросила Мэри, усаживаясь на кровать и прислоня к стенке костыли.

– Понимаешь. Мэри... – начала она, все сильнее комкая в руках шарф. – Понимаешь... мне позвонили утром из полицейского департамента и предложили дать показания по делу «Ле бук компани»...

«Ле бук компани» – так называлось издательство, выпустившее две книги Мэри. Но при чем тут показания, какие, о чем, никак не могла взять в толк выбитая из равновесия этим сообщением Мэри.

– Не понимаю... – она закурила, включив вытяжку над кроватью.

– Мэри, они кинули не только тебя – они кинули всех своих авторов, понимаешь? Это около двух десятков человек...

– погоди, Марго. Что значит «кинули», когда мне они выплатили все, ты ж сама считала? – Мэри замерла с недонесенной до губ сигаретой.

Марго тяжело вздохнула:

– И вот тут-то начинается самое интересное, Мэрик. Они *ничего* тебе не платили. Ни франка – понимаешь?

Это заявление Марго привело девушку в полное замешательство. Что значит – «ни франка», когда денег на счету оказалось ровно столько, сколько было нужно? И их как раз хватило на операцию, которую Мэри откладывала несколько раз из-за невозможности оплатить лечение. Они с Марго тогда так обрадовались...

– Не понимаю. Совершенно не понимаю, Марго! Откуда тогда взялись эти деньги, а?

Они пару минут молчали, глядя друг на друга, а потом дуэтом выдохнули:

– Алекс!!!

– Вот сволочь, – в сердцах бросила Мэри, глубоко затягиваясь сигаретным дымом и выпуская его через нос. – Вот же сволочь – все-таки уел меня!

– Мэри, погоди, не ругайся, – попросила Марго, сразу заронив подруге подозрение о том, что и она замешана в этой афере. Хотя... уж больно искренне недоумевала в начале, так врать и притворяться прямодушная и открытая Марго просто не умела. – Ведь мы все-таки сделали то, что хотели – прооперировали тебя, так что...

– Да ничего! Ничего, Марго! – рявкнула Мэри. – Я не могу зависеть от него, понимаешь?! Это самое страшное из всего, что я только могла себе представить – вот эти его деньги! Где, как он узнал номер счета?

– Мэри, ты забываешь... когда ему надо, он может добыть любую информацию, так что твой вопрос наивен...

Мэри в отчаянии стукнула кулаками по постели.

– Ну, кто просил его, кто позволил лезть в мою жизнь – в мою, а не в твою даже?!

Марго успокаивающе взяла ее за руку, но Мэри просто кипела от гнева. Больше всего в жизни она не любила быть зависимой. Именно от этой зависимости она пыталась избавиться все годы брака, именно от нее бежала из Испании. И теперь, когда уже, как ей казалось, все закончилось, возникает этот чертов Алекс со своими деньгами! Да еще как – обманом, аферой – потому что прекрасно знал – по-другому не выйдет. Они уже обсуждали эту тему, и Мэри вполне конкретно выразила свое отношение к вопросу. Ей даже показалось, что он понял...

– Что мне теперь делать с этим? – угрюмо спросила Мэри, прижавшись к присевшей на край кровати Марго.

– А что тут поделаешь? Ничего. Просто поправляйся и живи.

– Нет, как, все-таки, у тебя все просто, Марго! – снова вышла из себя девушка, не понимая, как она может вот так запросто рассуждать о вещах, казавшихся Мэри важными.

– А что такое-то? – спокойно отозвалась Марго, думая, как Мэри показалось, о чем-то постороннем.

– Ты не понимаешь, да?! Не понимаешь?!

– Не кричи, – Марго поморщилась. – Понимаю. Но теперь уже ничего не поделаешь. Надеюсь, ты не собираешься снова сломать себе ногу?

– Зачем?

– Ну, как? Чтобы потом оперировать ее на свои деньги. А это будет как бы месть Алексу. Мэри захохотала. Марго иной раз умела сказать нечто...

Разумеется, абсурд был бы неполным, если бы не появился, так сказать, герой романа. Куда без него...

Он ворвался в больничную палату и с размаху швырнул Мэри на кровать книгу. Едва успев увернуться, девушка взяла ее в руки и с удивлением обнаружила, что это второй ее роман, вышедший во Франции.

– Твоих рук дело, Мэри?!

– Допустим.

– Дура! Ты бы хоть имя поменяла!

– Чье?

– Что – чье? – слегка остыл Алекс.

– Имя, спрашиваю, чье я должна поменять? Свое?

– Да при чем тут ты?! Зачем ты назвала героя моим именем?

– А у тебя эксклюзив на него? Не знала. Что тогда делают миллионы Алексов во всем мире? Платят тебе проценты за использование?

Как ни был зол Алекс, но даже он не выдержал и рассмеялся, сбавив тон:

– Мэри, ты невыносима.

– А что? Я не права разве?

– Права. Но тебе следовало быть осторожнее.

– Осторожнее?

– Прекрати задавать мне вопросы! – снова вышел из себя Господин Призрак.

– А ты прекрати орать на меня. Я не сделала ничего, что могло бы навредить тебе.

– Да ты себе навредила, глупая девка!

Мэри закрыла глаза и тяжело вздохнула. «О, господи... Ну, чего еще ему от меня надо, а? Почему он так и не исчез, хотя обещал? Мы так спокойно жили эти три месяца, что я даже порой задумывалась – а был ли этот самый Алекс? Или это у нас с Марго просто случился двойной психоз на фоне всех событий?»

И вот он снова объявляется, снова орет, претензии какие-то предъявляет... И тут вдруг ее посетила весьма неприятная мысль.

– Послушай, Алекс. А ведь я четко сказала – мне не нужны твои деньги.

– Ты о чем? – он сел на подоконник, приоткрыл окно и закурил.

– А ты не знаешь?

– Знаю.

– Тогда зачем переспрашиваешь?

Он курил и разглядывал девушку в упор, ей вдруг стало слегка не по себе от этого взгляда, захотелось спрятаться под одеяло с головой и дожидаться его ухода в такой позе. Он все такой же, ничего не меняется – ни привычка носить только черное и белое, ни тон разговора – тихий и повелительный, ни манера смотреть, чуть прищутив глаз. Он – все тот же. Только вот Мэри – другая... И это, она чувствовала, его бесит.

– Знаешь, Мэри... Я вот смотрю на тебя и понимаю, что никого в своей жизни я не хотел убить с такой силой, как тебя. Никого.

– Ух ты... Это чем же я тебе так насолила, а?

– Ты сама прекрасно знаешь ответ на свой вопрос. Не кокетничай. Тебе просто нравится сознавать, что ты меня обыграла. Это, поверь, не так. Ты думаешь, что сильная, что упорная, что смогла заставить меня отступить – но это, повторяю, не так.

Он бросил окурок в пепельницу и закрыл окно, из которого тянуло в палату невыносимым зноем. Мэри молчала. Он ухитрился каким-то образом проникнуть в ее голову, не иначе – потому что как раз этими словами она и думала о себе и о нем. Да, она была горда тем, что не уступила, не поддалась, не подчинилась. Пусть это причиняло невыносимую порой боль – но зато она осталась честна по отношению к Марго.

– Ты мазохистка, Мэри. Ты причиняешь боль себе – и от этого получаешь удовольствие. А ведь все могло быть куда проще.

– Я не люблю простых решений.

– Я это понял, – усмехнулся Алекс. – Хорошо, Мэри, будем играть сложно.

– Да не будем мы играть – ни просто, ни сложно, и вообще никак. Ты мне не нужен.

– Ты, как всегда, врешь. Но я переживу. Ты сама поймешь со временем, как и насколько я нужен тебе.

– Твоя самоуверенность зашкаливает за все мыслимые пределы, Алекс. Не бывает неотразимых мужчин.

– Как не бывает и недоступных женщин, Мэри, – отпарировал он.

Один-один... Мэри умела признавать поражение.

– Но запомни – твои деньги я тебе верну, чего бы мне это ни стоило.

Он насмешливо оглядел девушку и изрек:

– Да? Для этого тебе придется... даже не знаю... ты сейчас мало на что годишься.

– Не волнуйся. Я что-нибудь придумаю.

– О, в этом я не сомневаюсь. Ты большая... как это... придумщица, вот, – он по-прежнему с трудом подбирает русские слова, а особенно – экспрессивные словечки. Он – идеально образованный англичанин с армянскими корнями...

– Выдумщица, – машинально поправила Мэри, думая уже о том, каким образом будет реализовывать свое обещание.

Мэри больше не смотрела в его сторону, отвернулась к стене и закрыла глаза. Прислушавшись к себе, она поняла – больно. Его присутствие что-то всколыхнуло в ней, как и его слова. Зачем он здесь, для чего?

Алекс все не уходил, сидел на подоконнике и постукивал пальцами по переплету рамы. Этот стук раздражал Мэри, сбивал с мысли, но она молчала. Ей не хотелось, чтобы он уходил – и не хотелось, чтобы оставался. Противоречие разрывало, и девушка не выдержала, села, откинув одеяло, и попросила:

– Ты не мог бы уйти? Я хочу отдохнуть.

– Отдыхай, я не требую, чтобы ты со мной общалась, – сообщил он, перебираясь с подоконника в кресло и закидывая ногу на ногу. Щиколоткой на колено – надо же, она и это помнила.

Мэри это разозлило – выходило, что Алекс собирался задержаться надолго. Ей же это было совершенно ни к чему. Она не хотела, не могла его видеть.

– Тебе никуда не пора случайно?

– Нет, – подтвердил он, улыбаясь. – Я свободен столько, сколько захочу.

– А я обязана разделить с тобой твоё свободное время?

– Мэри, не зли меня.

– Даже в мыслях не было.

И тут в палату вошла Марго. Вошла и застыла на пороге, едва не выронив из рук букет мелких кустовых розочек. Так и прилипла к стене – рослая, с рассыпанными по плечам густыми каштановыми волосами, с растерянным выражением распахнутых зеленых глаз.

– Привет, Марго, – совершенно спокойно произнес Алекс, словно они расстались только вчера – и друзьями.

– Ты... как ты тут? – еле выговорила она, крепче прижимаясь к стене.

– Обыкновенно. Приехал.

Марго вдруг заплакала, съехав на пол и закрыв руками лицо. У Мэри возникло желание взять костыль и запустить им в Алекса – слез Марго она не выносила совершенно.

Алекс же молчал, продолжая сидеть и наблюдать за происходящим в палате. Казалось, он получает удовольствие от чужих страданий, коллекционирует их, накалывает, как бабочек на булавку...

Мэри с трудом поднялась, взяла костыль и доковыляла до рыдающей на полу Марго.

– Вставай, хватит.

Она не ответила, только помотала головой, и Мэри разозлилась:

– Марго! Хватит, я сказала! Я понимаю – ты очень любишь быть несчастной, но не делай кого-то счастливым из-за этого! Нельзя позволять кому-то упиваться твоим несчастьем.

– Погодите, мадам психолог, я запишу ваши слова, а то забуду, – насмешливо прокомментировал Алекс, и Мэри, с трудом развернувшись к нему, тихо сказала:

– Вон! Вон отсюда! – точно так же, как много лет назад выставила из своей жизни Максима Нестерова, человека, которого любила и с которым жила несколько лет.

Однако если Нестеров почти безропотно ушел, то Господин Призрак сдаваться не собирался. Он просто не мог позволить себе уступить – и кому – женщине, Мэри! Его, как он думал, женщине...

– Ты забываешься, Мэри, – процедил он, и она сразу увидела плотно сжатые челюсти и опасно сверкнувшие глаза. Однако ее понесло, и остановиться она уже не могла, должна была высказать ему все, что накопилось за эти годы.

– Что ты строишь из себя?! Кто ты такой?! Ты – чертов наркоман, который, к твоему же счастью, пока еще может себя контролировать – вот и все! Ты аферист и проходимец, Алекс – и больше никто! Но – хватит, пудрить мозги себе и Марго я больше не позволю!

Он по-прежнему насмешливо смотрел на худую высокую девушку, опиравшуюся на костыли, но от этого не перестававшую будоражить его, дождался конца гневной речи, спокойно встал, налил в стакан воды и, подойдя ближе, выплеснул ее в лицо Мэри:

– Остынь, сгоришь.

Та задохнулась от злости и унижения, вспыхнула и замолчала. Алекс так же спокойно взял полотенце с кровати, вытер ей лицо и, задрав голову за подбородок, проговорил так, чтобы не слышала переставшая плакать Марго:

– В следующий раз я тебя убью.

Это была его последняя фраза в этом акте пьесы – он развернулся и быстро вышел из палаты, оставив только едва ощутимый аромат туалетной воды.

Мэри опустилась на кровать и потрогала руками щеки – они горели, как от пощечин. Марго переместилась к ней, вытерла заплаканное лицо полотенцем и зашептала, обхватив подругу руками:

– Господи, Мэри, ну, зачем, зачем ты его дразнишь? Он ведь на самом деле может сделать что угодно...

– Так, Марго, все, хватит! – решительно сказала Мэри, разворачиваясь в ее руках и глядя в глаза. – Больше я не желаю слышать ни о каких призраках, Алексах и прочей ерунде. Все – слышишь?

– Да, Мэри... как скажешь...

Переезд она старалась не вспоминать – недельный кошмар с документами, деньгами и прочей ерундой. Марго проявила чудеса выдержки и стойкости, а Мэри же превратилась в буйнопомешанную горлопанку, оравшую по поводу и без. Как терпела эти выходки Марго – загадка. Но, в конце концов, они оказались в квартире в Москве, и хозяйственная Марго тут же кинулась наводить там порядок и стирать следы пребывания квартирантов. Мэри же без сил пролежала двое суток на диване, вяло наблюдая за происходившим. Нога, к счастью, практически не болела, но ходить без опоры девушка пока не могла. Нужно было думать, как зарабатывать, чем, и, главное, где взять сразу ту сумму, что Мэри намеревалась вернуть Алексу.

Новый роман был закончен, но смысла нести его в издательство Мэри не видела. Кто она здесь? Автор одного случайного романа, который уже вряд ли кто-то помнит? Французская писательница? Смешно – Мэри даже поздороваться не могла, не сделав три ошибки во фразе. Начинать все заново? Не факт, что получится... Лейла Манукян – вот кто она теперь, и это имя ровным счетом ничего не значит ни для кого.

Осознание этого повергало Мэри в еще более глубокую депрессию. Хорошо еще, что нога совершенно перестала болеть, как по волшебству, девушка совершенно забыла, что такое вскидываться ночью в постели от хватающей, казалось, за сердце боли. Она снова начала ходить, пусть и с опорой пока. Однако мысль о необходимости зарабатывать как-то по-прежнему не давала ей покоя.

Марго тоже пребывала в депрессии. Ее куда-то не брали, специалисты по пиару, да еще с таким сроком без работы, никому нужны не были. В квартире поселилось уныние...

Алекс сидел в небольшом кафе на окраине Цюриха и рассеянно рассматривал посетителей. День, их не так много – забежавшие перекусить студентки, пара неопределенного вида юнцов с давно невымытыми волосами, пожилой мужчина с утренней газетой. Ничего интересного. Хозяйка сама принесла ему кофе, и Алекс приветливо улыбнулся:

– Спасибо, Марта.

– Наслаждайтесь, – пропела румяная толстуха и поплыла к себе за стойку, чуть покачивая круглыми бедрами.

Он только усмехнулся – все женщины одинаковы. Пара слов, интимная улыбка, побольше загадки во взгляде – и все, бери их готовыми. Так было всегда, сколько он себя помнил. И только однажды это не сработало. Вернее, сработало – но принесло совершенно непредсказуемый результат.

Мэри. Мэри, рыжая сучка, подруга Марго. Его Марго, которую Алекс знал еще ребенком. Марго оказалось единственной женщиной, которую он так и не смог оставить, бросить. Он периодически возвращался в ее жизнь, играя роль такого ангела-хранителя. Защищал, утешал, жалел, помогал. И не переставал лелеять надежду на то, что она одумается и вернется. Тогда – зачем Мэри, к чему? Захотелось. Да, захотелось переиграть эту настырную девку,

сумевшую преодолеть его власть и отказать ему. Ему! Это было как пощечина, как плевок – кому скажи, так засмеют. Алекс не справился с девчонкой, которая последние полтора года даже ходить сама не может. Курам на смех – так, кажется, говорят русские?

Он чуть улыбнулся, вспомнив, как они с Марго, тогда еще совсем девчонкой, учили друг друга языку. Он откровенно забавлялся – как с игрушкой, но уже в то время понимал, что не может отпустить ее, не может дать уйти. Ну и что, что совсем молодая.

Потом он исчез. Вынужден был исчезнуть – иначе ему пришлось бы... да, страшно думать, но пришлось бы убить Марго – самому, своими руками, чтобы это не сделал за него кто-то другой. Вот к чему приводит женское любопытство – один раз залезла туда, куда не следовало, и вся жизнь пошла наперекосяк, причем у обоих. Алекс нашел, как ему казалось, самый простой и безопасный выход – исчез. А когда вернулся, то Марго уже была чужая. Мало того – замужем. Когда Алекс впервые увидел ее мужа, его разобрал смех – бедная девочка, это ж какой надо быть одинокой, чтобы выскочить... за это. Как его звали, Алекс и до сих пор припоминал с трудом – настолько незначительным казался ему избранник Марго.

– Уходи от него, – буднично велел он однажды. – Уходи – все будет как прежде, даже лучше. Ты мне нужна, – и поразился ее реакции:

– А ты мне уже нет.

Это было как ледяная струя воды на морозе – Марго сказала «нет».

«Ах, так?!» – в голове что-то взорвалось, видимо, кровь все-таки вскипела, никакого английское хваленое воспитание не в состоянии удержать человека с южными корнями. Алекс сумел собраться, уехал, женился на соседке – давно и почти безнадежно влюбленной в него. Старался как можно реже бывать дома – брал «заказы» даже по мелочи, ликвидировал каких-то русских парней в синих татуировках, отлавливая их по всему свету, каких-то мелких политиков там, в России, но ни разу не позвонил Марго – пусть живет, как хочет, строптивая девчонка. Мадлен – жена – ждала ребенка, но и это не заставляло Алекса бывать дома чаще. И вдруг...

Голос Марго в телефонной трубке был таким родным и таким нежным, что воспоминания заставили зажмуриться. Какой же голос, какие нотки, как тепло на душе...

– Алекс... прости меня, я все обдумала. Если ты хочешь, мы можем попробовать снова... Я больше не хочу жить с Ромой, я не люблю его. Я всегда любила только тебя и всегда была только твоей.

Слова звучали музыкой, он готов был немедленно лететь туда, в Москву, хватать Марго в охапку и везти к себе. Стоп. Куда – к себе? А Мадлен? А ребенок? Черт...

С этой минуты, с этого телефонного звонка в его жизни все снова поменялось. Зачем ему белокурая, совершенно неинтересная Мадлен – когда есть Марго? Но ребенок...

Возвращаться домой с каждым разом становилось все тяжелее. Глаза Мадлен, ее взгляд, ее забота стали тяготить. Однажды он решился на разговор, предложил развестись. Истерика и едва не случившийся за ней выкидыш убедили его больше не касаться этой темы. Впервые Алекс почувствовал себя загнанным в угол, беспомощным и совершенно не видящим просвета. Поездки и отлучки стали чаще. В основном – в Москву, к Марго.

Они проводили вместе все время, словно боялись расстаться хоть на секунду. Она действительно ушла от своего никчемного Ромы и жила у подруги – идти к матери даже в такой ситуации Марго не хотела. Алекс чувствовал себя намного лучше, оказываясь рядом с бывшей женой. Она уже была выше этого идиотского статуса, она превратилась в нечто иное, и терять это Алекс не хотел и безумно боялся.

– Мы снова поженимся, Марго, – не раз говорил он, обнимая ее, и девушка счастливо кивала, соглашаясь.

И только одно постоянно глодало Алекса изнутри – мысль о Мадлен. Даже не столько о Мадлен, сколько о будущем ребенке.

Потом он много раз думал о том, что, наверное, можно было поговорить с Марго, и она поняла бы, но в тот момент он видел ее счастливое лицо и распахнутые глаза и просто не мог заставить себя причинить ей боль. Наверное, впервые смалодушничал, испугался...

Марго провожала его в аэропорт, они стояли в каком-то закутке и беззастенчиво целовались.

– Я приеду, – твердил Алекс, отрываясь от ее губ. – Ты только меня дождись, Марго, и я обязательно приеду. Совсем скоро. Я заберу тебя к себе – ну ее к черту, вашу страну. Ты ведь поедешь, Марго?

– Конечно. Как ты можешь спрашивать, ты ведь знаешь – мне все равно, где – лишь бы с тобой.

Словом, расставание было то еще.

В самолете Алекс никак не мог ни уснуть, ни сосредоточиться на чтении газеты, то и дело ловил себя на том, что мучительно ищет выход, способ разойтись с Мадлен миром. Он был согласен на любые ее условия. Но, увы, Мадлен не было нужно ничего, кроме него самого.

Домой он попал только через трое суток, проведя их в кокаиновом угаре в притоне своего приятеля Густава. После очередной «дорожки» становилось легче, стены, давящие на него и постепенно сходящиеся все ближе, не оставляя воздуха, начинали медленно раздвигаться, комната заполнялась светом и солнцем. Алекс открывал глаза, с трудом поднимая тяжелые веки, и видел перед собой только Марго – такую, какой он ее запомнил, молодую, красивую, с длинными каштановыми волосами.

– Марго... – бормотал он, протягивая руки, но она вдруг исчезала, и вместо нее появлялось размазанное вульгарное лицо очередной девки, присланной Густавом.

Только через три дня Алекс заставил себя встать под ледяной душ, выпил три чашки крепкого кофе, расплатился с Густавом и поехал к себе.

Мадлен поливала цветы, стоя на невысокой скамеечке. Алекс вошел как раз в тот момент, когда она, привстав на цыпочки, пыталась дотянуться носиком лейки до ящика с фиалками над окном. Долгое время потом он не мог объяснить себе того, что сделал, не понимал, как так вышло, но нога сама потянулась к короткой толстой ножке скамейки и, поддев, дернула к себе. Мадлен упала на живот, выронив лейку, и зашлась криком, а он стоял и смотрел, как она корчится на полу у его ног.

Бригада медиков долго пыталась спасти недоношенного восьмимесячного ребенка, но тщетно. Состояние самой Мадлен тоже было далеко от стабильного, но Алекс уже не интересовался этим. Он вышел из больницы, дошел до первой же скамьи в сквере и позвонил в Москву.

Марго долго не отвечала, и забеспокоившийся было Алекс догадался взглянуть на часы – она просто спала. Но вот послышался ее сонный голос:

– Алекс? Что-то случилось?

– Ничего, любимая. Все в порядке. Я прилечу сегодня вечером, как только улажу здешние проблемы.

– Какие проблемы, дорогой? – безмятежный тон и совсем простой вопрос Марго расслабили его, и Алекс потерял осторожность:

– Мне нужно решить что-то насчет жены... бывшей жены, и похоронить ребенка.

– Кого?! – в ужасе выдохнула Марго, и тут только Алекс понял, что этой фразой погубил все.

– Марго... все не так, как ты думаешь, ты просто не поняла... – но она перебила, снова став чужой и отстраненной:

– Я тебя слишком знаю. Больше не звони мне. Никогда. Я серьезно, – и положила трубку.

Он попробовал перезвонить, но тщетно – она выключила телефон. Алекса охватила злость – он из-за нее, ради того, чтобы вернуть... а она... Но потом он взял себя в руки. В конце концов, что страшного? Ну, ушла, не захотела, испугалась – так пусть живет сама, как может.

Наверное, с этого момента началась вся последующая тягомотина. Марго попадала в какие-то бредовые ситуации, он бросал все и летел в Москву, считая себя обязанным помочь ей. Много лет...

Потом Марго заболела, расплылась, стала плаксивой и капризной, но это только сильнее заставляло Алекса присматривать за ней. Никогда прежде он не знал такого чувства, как жалость – даже слова такого не знал, кажется. Но любые проблемы Марго моментально становились его проблемами, и он из кожи вон лез, чтобы разрешить их. Когда она потеряла работу и едва не угодила сперва в тюрьму, а потом и вовсе на тот свет, он пытался убедить ее уехать, пытался даже помочь деньгами, от которых Марго с возмущением отказалась. Но самой главной проблемой оказалась эта ее Мэри. Мэри, которую он увидел случайно на экране монитора, Мэри, к которой его потянуло так же, как в свое время потянуло к Марго.

Кстати, к кокаину он снова вернулся как раз после знакомства с Мэри – их виртуальное общение напоминало психоделический бред, сюрреалистический фильм, где кадры идут не по порядку, а смонтированы как попало и зачастую вообще вверх ногами. Причина прояснилась позже, в разговоре с Марго – Мэри в то время тоже весьма плотно увлекалась белым порошком.

Это было странное чувство – никого в жизни Алекс не хотел убить столь же сильно, как эту девушку, но и такого желания присвоить кого бы то ни было с таким же рвением он тоже раньше не испытывал. Кроме того, Мэри не была юной нимфеткой, к которым Алекс испытывал непреодолимую тягу – она была взрослой женщиной, с каким-то слишком извращенным по его понятиям умом и очень уж развитой интуицией. Она моментально почувствовала, что от него лучше держаться на расстоянии – и свято придерживалась этого. Никакие уговоры, слова, обещания и признания не помогали сделать эту дистанцию хоть чуть-чуть меньше. И это только подстегивало, разжигало интерес.

– Мэри, Мэри, – пробормотал он, допивая кофе. – Ничего. Все будет иначе. Ты еще поймешь, что никто не будет нужен тебе так, как я.

Мэри машинально щелкала мышью, перескакивая с одного новостного портала на другой, когда вдруг на мониторе появилось лицо ее мужа Кости. Это оказалось настолько неожиданно, что девушка даже вскрикнула и отпрянула.

– Черт тебя дери, так ведь и умереть можно, – пробормотала она, хватая сигарету и зажигалку. – Ну, и что на этот раз?

Она погрузилась в чтение сообщений и то, что узнала, повергло ее в еще больший шок. Кроме сообщения о подписании договора о сотрудничестве какой-то испанской фирмы с одной из крупных российских компаний, обнаружили еще и две фотографии, на одной из которых Костя стоял в обнимку... с ней, Мэри. Девушка никак не могла вспомнить, кто и когда сделал этот снимок. Она изучала фотографию буквально по миллиметру, бормоча под нос:

– Елки, ну, не помню я этого платья! И волос такой длины у меня никогда не было... неужели действительно сотрясение после аварии так проявляется – я не помню каких-то деталей... И туфли... я бы в жизни такие не купила – китч какой... Марго, так это ведь не я! – почти взвизгнула Мэри, забыв, что Марго нет дома, она на очередном собеседовании. – Это *не я*!

Открытие поразило еще сильнее, чем сообщение о том, что «испанский бизнесмен Константин Кавалерьянц с женой Марией посетил Москву для подписания контракта» и что-то еще на эту же тему.

«Бизнесмен» Костя не убил ее после истории с книгой вовсе не потому, что жутко любил, нет. Какая любовь – когда Мэри выложила в незамысловатом детективе все, что знала о махинациях своего супруга и его брата, указав даже подлинные фамилии и имена чиновников городской мэрии, замешанных в карточной игре с ними. Карточный шулер высочайшего уровня, человек, обложивший в свое время данью почти весь довольно крупный сибирский город! Бизнесмен! Он уехал в Испанию и, кстати, уволок с собой и Мэри, спасаясь от преследования со

стороны высокопоставленного чиновника, проигравшего такую сумму бюджетных денег, что становилось страшно. Бизнесмен! Значит, сумел-таки вывернуться, и деньги вложил, и фирму основал и так быстро вышел на международный уровень. И какую-то девку выдает за нее, Марию...

Мэри упала лицом на клавиатуру и заплакала. Ее ненависть к Косте вряд ли могла усилиться – ей просто некуда было расти и множиться, Мэри задыхалась от этого ощущения, от безразличия, от невозможности как-то исправить ситуацию.

– Мэрик, ты почему ничего не ела? – донесся из кухни возмущенный голос Марго, и Мэри вздрогнула – увлеченная чтением и мыслями, она даже не услышала, как вернулась подруга.

– Я тебя ждала. Ну, как дела? – повернувшись к двери, Мэри увидела расстроенное лицо и поняла – опять не взяли... – Ну, не страшно. Мы не умираем с голоду, все хорошо. Найдется же когда-то среди этих идиотов нормальный человек, который оценит тебя по достоинству.

Марго только обреченно махнула рукой и ушла к себе, устало шаркая комнатными тапочками.

Мэри сделала закладку страницы, чтобы на досуге еще раз все рассмотреть и обдумать, и пошла в кухню, разогреть обед.

Она не сказала Марго ни слова о своей находке, не захотела расстраивать и без того удрученную неудачами с поиском работы подругу.

...Он сидит за пианино, и звуки музыки окружают его, окутывают невидимым коконом, делая еще притягательнее. Его глаза полуприкрыты, пальцы взлетают и опускаются на клавиши, заставляя инструмент отдавать мелодию, рассеивать ее вокруг. Мэри не помнила ничего прекраснее этого – тех вечеров, что они провели вдвоем, в отсутствии Марго. Алекс играл на пианино, а Мэри сидела в кресле наискосок и уплывала. Как, почему она отказалась от этого? Зачем? Ради Марго? Но ведь Марго не с ним... И он – не с ней. Мэри понимала, что убила свою любовь совершенно напрасно.

Она садилась в постели среди ночи и вытирала мокрые от слез глаза: «Что мы наделали, зачем? Он был прав – я поняла, насколько он нужен мне. Но нужен не для того, о чем говорил, совсем не для того. Скорее бы утро! Хотя – чего тянуть?»

– Ты звонишь мне среди ночи, Мэри... – голос чуть глуховат спросонья, но недовольства не слышно. – Что это значит?

– Алекс...

Молчание. Долгое молчание, такое долгое, что у Мэри начинает болеть сердце. Щелчок зажигалки, снова пауза.

– Говори.

– Ты случайно не в Москве?

– Длинное предисловие, Мэри. Давай к сути.

– Алекс... мне нужно, чтобы ты приехал. Мне нужно увидеться с тобой, это важно.

Короткий смешок, молчание, и потом:

– Ты наконец-то образумилась, Мэри?

– Что? – она растерялась, не ожидала такого вопроса, ведь не об этом совсем. – А... нет, мне нужно поговорить с тобой о другом.

– Понятно. Хорошо. Завтра в восемь вечера.

– погоди! Я не хочу... – Мэри запнулась, не зная, как сказать ему, что не хочет делать Марго свидетельницей разговора.

– Я понял. Буду ждать тебя в кафе на углу.

Отключив мобильник, Мэри почувствовала вдруг страшную усталость, как будто проделала утомительную работу. Руки тряслись, мышцы спины ныли, как после тяжелой тренировки – надо же, она еще помнила это ощущение... Ей вдруг пришло в голову, что ведь теперь, когда

она забросила костыль, можно попробовать потихоньку танцевать. А что – найти клуб поближе к дому, благо, с этим в Москве проблем нет, и брать индивидуальные занятия. Да, все хорошо. Но, увы, пока на это просто нет денег...

Самым тяжелым оказалось врать Марго. Мэри не хотела говорить ей о своей находке, не хотела говорить и о визите Алекса. Потому пришлось сочинить какую-то чушь. К счастью, Марго неважно себя чувствовала, лежала в спальне и не вставала даже поесть. Пообещав зайти в аптеку и вернуться не поздно, Мэри, чуть прихрамывая, побрела к назначенному Алексом месту встречи.

Алекс ждал ее за столиком в самом углу, она увидела его сразу – да и как было не увидеть... Заметив девушку, он встал, с какой-то непонятной и неуместной ухмылкой помог снять пальто и отодвинул стул:

– Присаживайтесь, мадам. Коньяк?

Мэри подняла на него глаза, и Алекс, наткнувшись на ее взгляд, как на иголку, сразу сменил шутовской тон на серьезный:

– Прости. Что-то случилось?

– Случилось. Мне нужна твоя помощь.

– Передвинуть мебель? – снова сорвался на шуточки Алекс, но тут же извинился: – Прости, не могу удержаться. У тебя такое серьезное лицо, Мэри, как будто ты увидела свое изображение и не смогла определить, ты ли это.

«Ну, вот как, как он может?! Откуда знает? Ведь нельзя ляпнуть просто так – и попасть точно в центр мишени!»

– Это не смешно, Алекс.

– Да какой тут смех. Чего ты хочешь?

– Я еще не рассказала суть...

– Ох, Мэри, какая ты тяжелая, – притворно простонал Алекс, прикрыв ладонью глаза. – Как думаешь – я не подготовился? Ты ведь можешь просить о помощи только в случае, когда сама не справишься. А единственный человек, с которым ты не в состоянии справиться, это твой муж.

– А ты? – вдруг спросила Мэри, закурив, и вопросом сбила его с насмешливого тона, который так бесил ее.

– Что – я?

– Разве с тобой я смогла справиться, Алекс? Ты сам говорил – это только мне кажется.

Он вдруг потянулся через столик и перехватил руку Мэри с сигаретой, затянулся и тихо проговорил, глядя девушке в лицо:

– Мэри... наша игра еще не кончилась. Поверь – тебе не удастся выиграть. И твой проигрыш будет самым счастливым днем в твоей жизни.

– А в твоей? – она изо всех сил старалась не попасть под его обычный гипноз, не дать управлять собой, и ей удавалось – Алекс занервничал.

– Не задавай вопросов, на которые сама знаешь ответы, Мэри.

– Какой смысл спрашивать то, о чем знаешь?

– Хватит! – отрезал он, откидываясь на спинку стула. – Так что – ты хочешь от меня... чего?

Она и сама не знала, чего конкретно хочет от него. Чтобы он убил Костю? Нет. Если Кавалерьянцу суждено умереть, то Мэри хотела, как минимум, видеть это. Но лучше, чтобы он жил – жил как можно дольше, чтобы переплюнул всех долгожителей – а она превратила бы его долгую жизнь в ад. За все, что он сделал с ней, с ее близкими.

Алекс чувствовал ее метания, но ждал, пока девушка сама, без его подсказки, выразит то, чего хочет, однако Мэри молчала. Алекс начал терять терпение – чего она хотела, зачем

вызвала его в Москву? Неужели же только для того, чтобы вот так сидеть в кафе и смотреть на него?

– Я не знаю, Алекс... Я уже вообще не понимаю, зачем позвонила тебе. Прости, – наконец пробормотала Мэри, глядя в почти пустую кофейную чашку.

Он удивленно посмотрел на нее, покачал головой. Маленькая кофейная ложечка мелькала в его пальцах – он крутил ее машинально, почти не обращая внимания на то, что делает. Мэри невольно засмотрелась на его руки – всегда так делала, они притягивали ее словно магнит, невозможно было оторваться.

– В общем, так. Я вижу, ты не определилась. Дальше думай сама.

Алекс встал, демонстративно снял с вешалки ее пальто и раскинул его, давая понять, что они уходят. Мэри сунула руки в рукава, сбросила в сумку со стола сигареты и зажигалку, накинула капюшон и пошла к выходу, не оглядываясь. Спинай чувствовала пристальный взгляд Алекса, шедшего следом, но не оборачивалась. Сейчас они выйдут – и все, расстанутся, и никто не знает, когда увидятся снова. Мэри почувствовала, что так устала, ей так больно – и все равно четко знала, что сейчас снова скажет ему «нет, Алекс» в ответ на любое предложение.

Предлагать он не стал. То ли почувствовал настроение и решил не слышать очередного отказа, то ли перегорел уже – даже сам не понял. Так или иначе, он проводил девушку до подъезда, развернул к себе лицом, смахнул с челки налипшие снежинки и улыбнулся грустно и совсем нехарактерно-мягко:

– Иди домой, Мэри, холодно.

Она инстинктивно подняла руку в перчатке и поправила его неизменный черно-белый шарф:

– Ты... не зайдешь?

Он перехватил руку, чуть сжал ее:

– Ты хочешь этого?

И Мэри не успела удержать вырвавшиеся из самой глубины сердца слова:

– Да, хочу.

– Тогда зайду.

Он потянул девушку за собой в подъезд, в лифт, почти бегом – до квартиры. Она долго искала в сумке ключи, и в конце концов Алекс вынул из кармана связку и, к глубочайшему изумлению Мэри, на ней обнаружили и их с Марго ключи.

– Ого, – тихо присвистнула она. – Да ты просто профи...

Алекс рассмеялся, впуская ее в квартиру:

– Ты забываешь кое-что, Мэри. Я был женат на Марго.

«Угу – сто лет назад, и здесь никогда с ней не жил», – отметила она про себя легкую неточность в его объяснениях, но вслух говорить не стала.

– Марго, я дома, – крикнула Мэри, и в ответ услышала:

– Будьте так добры, не заходите ко мне, хорошо?

Разумеется, она не могла не зайти – после такого. Марго лежала в постели, отвернувшись к стене, и даже не потрудилась переменить положение, хотя слышала, что кто-то вошел. Укутавшись с головой покрывалом, она так и продолжала лежать молча.

– Марго, – Мэри опустилась на кровать и чуть тронула подругу за локоть. – Марго, что с тобой?

– Иди, Мэри, тебя ждут, – глухо пробормотала она, и Мэри сразу почувствовала слезы.

– Марго... Никто меня не ждет.

– Не будь душой, не упряжься. Я плачу не из-за этого, поверь. Если ты будешь счастлива, то и я – тоже. А с ним...

– Откуда ты знаешь? – перебила Мэри, вцепившись в ее локоть так, что Марго взвизгнула и повернулась. – Откуда ты знаешь, что я пришла с ним? Что он вообще здесь?

Марго села, вытерла красные мокрые глаза рукавом халата и усмехнулась:

– Он мне звонил около двух часов назад. Звонил, чтобы поделиться радостью – мол, Мэри сама, сама... Он же как ребенок радовался, а ты... Ты снова все угробишь, ведь так?

Мэри опустила голову. Да, угробит. Она уже не понимала ничего, чувствовала себя игрушкой в чужих руках, и это ей не нравилось.

– Хочешь – я скажу ему, чтобы он ушел? – она обхватила Марго руками и прижалась к ней, чувствуя, как та все еще вздрагивает от подавляемых слез.

– Мэри... как ты не понимаешь... Ты теперь обречена на него – как и я. Он будет лезть в твою жизнь, диктовать, командовать, возмущаться. Правда, тебя он еще и в постель будет тащить. Он никуда не уйдет, не исчезнет – он из тех, кто считает своим все, к чему прикоснулись его руки.

– Бред! Это ведь бред, Марго! Он обычный человек. И если я сейчас пошлю его на хрен – он встанет и уйдет...

– Да – предварительно врезав тебе по лицу, – подхватила Марго. – Ты уже пробовала это – помнишь? А потом снова вернется. Тем более, сейчас он приехал по твоей просьбе – разве нет?

– Мэри, ты ведешь себя негостеприимно, – голос ударил по нервам, Мэри вздрогнула.

Алекс стоял в дверях, ухватившись за косяки, и смотрел на девушек насмешливо.

– Ты не знаешь, где в этом доме чайник? – поинтересовалась Мэри, спуская ноги с кровати.

– Марго, ты заболела? – игнорируя вопрос, обратился он к Марго.

– Да.

– Что-то нужно?

– Нет.

– Исчерпывающий ответ. Я могу пообщаться с Мэри, раз тебе ничего не нужно?

– Я не держу ее, – проговорила Марго с каким-то даже вызовом.

Алекс снова усмехнулся и протянул Мэри руку:

– Идем. Мы поговорим – и я уеду, скоро самолет.

Она пошла за ним в кухню, забралась в свой любимый угол между столом и окном – там привыкла сидеть, еще впервые попав в дом Марго – и закурила. Алекс опустился напротив, покрутил в пальцах зажигалку, пощелкал ею и небрежно отбросил. Мэри курила, опершись о колено поставленной на стул левой ноги, и смотрела поверх головы Алекса. Она в душе честно признавалась себе, что просто боится встретиться с ним взглядом. Атмосфера в кухне и так наэлектризовалась до предела, еще секунда – и будет взрыв с пожаром.

– Мэри, знаешь, в чем твоя беда? – произнес Алекс, и она вздрогнула от звука его голоса. – Ты любишь все усложнять. А жизнь намного проще. Проще и легче – если не стараться усложнять ее искусственно. Но ты не можешь – чтобы проще. Тебе надо, чтобы вокруг все тряслось и рушилось – да?

– О чем ты?

– О нас, Мэри. О нас – о тебе и обо мне.

– Никаких «нас» нет.

– Ты повторяешься.

– Извини – я в принципе примитивна.

– Глупости, – он поморщился. – Что за манера принижать себя? Ты умная женщина, прекрасно понимаешь, о чем речь. Ты еще скажи мне, что не видишь снов.

– Снов? – ей стало страшно. Откуда он мог знать о снах – особенно о тех, что были связаны с ним?

– Снов, Мэри, – голос его стал тихим и словно обволакивал девушку. Мэри знала – надо сопротивляться, потому что когда Алекс становится таким, все закончится скандалом – или... Но она не могла, по-прежнему не могла ответить ему чем-то иным, кроме отказа.

Поэтому девушка решительно встала, рывком раздернула тонкие шторы на окне и запахнула окно, впустив в кухню холодный вечерний московский воздух. Лицо ее горело, но Мэри уже чувствовала себя лучше и увереннее – ей удалось не поддаться и стряхнуть с себя ту сонную оторопь, что нападала всякий раз после таких вот бесед. Не оборачиваясь, она произнесла, глядя в окно:

– Мои сны – это не твое дело, Алекс.

Ей на плечи легли руки, и она вздрогнула – не слышала, как он встал и подошел.

– Мэри... зачем ты так? Думаешь, мне легко? Но я пытаюсь вести себя правильно – в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово, а потому жду твоего решения, – он осторожно прижался щекой к ее волосам. Аромат туалетной воды вдруг напомнил о вечерах, проведенных в Цюрихе – именно этим запахом был наполнен его дом там.

– То есть – не перекидываешь через плечо и не несешь в спальню? – не шевелясь, отозвалась Мэри, чувствуя, что если вдруг он уберет руки, она упадет на пол без сознания.

– Примерно так. Ты ведь не хочешь этого, правда?

– Правда.

– Мэри, а терпение кончается. Я тоже имею предел.

– Алекс... мы сто раз обсуждали это.

– Марго по-прежнему? – чуть усмехнулся он, осторожно сжимая ее худые острые плечи.

– Да.

– Мне слышалось – или все-таки это Марго недавно говорила тебе – не упрямясь, Мэри, ты будешь с ним счастлива? Поправь, если ошибся.

– Да, Марго. Но у меня есть свои принципы, – она высвободилась из его рук и села на свое привычное место. Алекс, криво усмехнувшись, разместился напротив.

– Гениально. Это гениально, Мэри, – рассмеялся он. – Расскажи мне о своем муже, – он вдруг резко сменил тему, чем сбил Мэри с толку и заставил смешаться и опустить глаза.

– Зачем? Разве есть что-то, чего ты не знаешь о Косте?

Мэри снова закурила, вставив сигарету в длинный мундштук, которого Алекс прежде никогда у нее не видел. Он невольно засмотрелся на это – мундштук был как бы продолжением тонкой руки девушки, Мэри задумчиво затягивалась дымом, обхватывая кончик мундштука губами, чуть тронутыми темно-бордовой помадой. Алекс словно заново увидел ее – она ощутило изменилась, в облике появилось что-то старомодное, «винтажное», как принято говорить. Мэри стала по-другому одеваться, по-другому наносить макияж, даже прическа изменилась. Алекс усмехнулся про себя – явно тут не обошлось без Марго, та всегда любила менять что-то в своих друзьях, клиентах и близких людях. А уж если это касалось Мэри, то тут можно было не сомневаться, что Марго провела немало часов в раздумьях и с карандашом в руке. Она прекрасно рисовала, и это умение пригождалось. Кстати, пару портретов Мэри он видел еще в своем доме в Цюрихе, куда увез их обеих, спасая от преследования Кости.

– Так что, Мэри? – легко встряхнув головой, Алекс отогнал от себя все лишние мысли и вернулся к начатому разговору.

– Что? – откликнулась она, думая о своем.

– Я слушаю.

– А я молчу.

Он начал терять терпение – эта девчонка постоянно вела себя так, словно испытывала его на прочность, проверяла, как далеко сможет зайти. Порой ему страшно хотелось ударить ее – ударить так, чтобы помнила долго и не пробовала больше злить его. Но Алекс понимал – с Мэри такие фокусы не пройдут, она совершенно не склонна к подчинению, совершенно лишена необходимости в руководстве, абсолютно неуправляема. И даже он не в состоянии был изменить это. Просто странно, как могла Марго жить с ней в одном доме, вести ее дела

и ухитриться терпеть отвратительный тяжелый характер Мэри. Но Марго... она всегда была покладистой, отходчивой и доброй, а потому сумела как-то исподволь управлять подругой.

Разговор прервался, в кухне снова повисло молчание, только тикали часы на стене над головой девушки. Алекс машинально крутил в пальцах кофейную ложечку, Мэри бесшумно водила кончиком мундштука по краю пепельницы. За стенкой, в спальне, тяжело вздохнула Марго.

Мэри вдруг поднялась, поежилась, обхватив себя за плечи, и снова встала перед окном, напряженно вглядываясь в сумерки.

– Зачем ты спросил меня о нем? – глухо выговорила она, и Алекс понял, что Мэри плачет. – Я стараюсь забыть, не думать – и тут являешься ты с вопросами. Зачем тебе – ты ведь и так все знаешь?

Алекс знал. За те годы, что он был знаком с этой девушкой, он собрал целое досье на ее супруга, в прошлом довольно известного карточного шулера, а ныне – благопристойного испанского бизнесмена. Этот Костя тот еще тип... Но не это интересовало сейчас Алекса, а причины, по которым Мэри в свое время вышла за него замуж. Насколько он понимал, особой любви к мужу она не испытывала, боялась его и при первой возможности сбежала. Алекс сам помогал ей, прятал у себя в доме и даже убил брата ее мужа – ну, так вышло, хорошо еще, что успел. По какой-то непонятной причине Костя никак не желал смириться с тем фактом, что Мэри жива, он несколько раз пытался исправить это, но, к счастью, неудачно. Сейчас, перед поездкой сюда, Алекс снова изучил все, что знал об этом человеке, и с удивлением обнаружил массу фотографий, на которых рядом с Костей была девушка, поразительно похожая на Мэри. В первый раз он даже подумал, что это она и есть, и только рассмотрев фото более внимательно, понял – нет. Похожа, но не она – у девушки не было того стержня, который ощущался в Мэри. Это открытие удивило и озадачило Алекса. Зачем человеку постоянно держать рядом с собой живое напоминание о бывшей жене, которую ненавидишь? И в памяти вдруг всплыл эпизод полугодовой давности. Они с Марго тогда поехали в Испанию – Мэри исчезла в России, от нее не было вестей, и Марго тосковала. Гуляя по Барселоне, они вдруг наткнулись на Костю в сопровождении этой самой девицы. Марго тогда едва не кинулась к ней, приняв за Мэри. Алексу же эта встреча сразу не понравилась, он не верил в совпадения и не хотел подвергать Марго опасности, а потому сразу увез ее в Москву.

Сейчас это воспоминание снова заставило Алекса напрячься – значит, уже в то время Костя задумал что-то, для чего ему непременно нужна была Мэри. Или девушка, похожая на нее. Понять бы еще, что именно.

Мэри взяла мундштук и сигарету, щелкнула зажигалкой и снова отвернулась к окну. Алекс ощутил вдруг острое желание обнять ее, прижать к себе и сказать – прекрати сопротивляться, дурочка, позволь мне просто быть рядом, позволь уберечь тебя от чего-то неотвратимого, приближение чего я чувствую, но пока не могу понять. Он встал и вновь подошел к ней, развернул к себе лицом.

– Мэри... – его голос стал глухим, руки осторожно обхватили запястья девушки, чуть потянули ее к себе. – Мэри... ну, когда ты устанешь разыгрывать эту комедию? Почему, за что ты мучаешь нас обоих?

Она выронила мундштук с погасшей сигаретой и вдруг прижалась к Алексу всем телом. В ее голове творился сумбур, она старалась скрыть это. Мэри давно понимала, что Марго уже никогда не будет с ним, но даже не Марго была препятствием. Это «что-то» жило в голове самой Мэри, мешало ей. Она хотела ответить Алексу взаимностью – и всегда останавливалась в последний момент, не в силах совладать с собой. И даже сейчас она уже заранее знала, что снова ответит ему отказом – как бы потом не было больно.

Прижавшись к нему еще на пару минут, Мэри решительно отвела его руки, сделала шаг назад и проговорила, глядя в пол:

– Не надо, Алекс...

– Не надо – что? – чуть удивившись, спросил он, хотя по голосу уже заранее угадал ответ.

Она не разочаровала:

– Ты знаешь.

– Я хочу услышать это от тебя, – он взял ее за подбородок и заглянул в распахнутые глаза, в которых почему-то стояли слезы.

Мэри молчала. Молчание затягивало обоих, как водяная воронка, оба чувствовали, что любое слово сейчас сомкнет эту воду над их головами, и все – назад пути уже не будет, им ни за что не выплыть, не выбраться.

Алекс решил прекратить эту пытку первым. Он еще раз пристально посмотрел в глаза Мэри и пошел к двери. В тихой квартирке его шаги звучали глухо и страшно. «Поступь судьбы», – почему-то обреченно подумала Мэри и закрыла глаза, бессильно опускаясь на пол у ножки стола. Она не хотела еще и видеть, как уходит от нее человек, которого... Хотя теперь уже вряд ли стоило думать об этом. В очередной раз она все испортила, и кто мог поручиться, что им еще суждено увидеться? Никто...

– Мэри, ты тут? – голос Марго из спальни заставил девушку вздрогнуть.

– Да. Тебе что-то нужно? Может, чаю?

– Издеваешься? – мрачно поинтересовалась Марго, выходя и застывая в дверях кухни. – Ты чего на полу?

– Так...

– Понятно. Ушел? – молчаливый кивок головы. – Опять выгнала? – тот же жест. – А какого ж тогда черта сидишь теперь и страдаешь? – моментально вскипела Марго. – Я не понимаю – тебе что, действительно нравится доводить и себя, и его до ручки? Ты чего ждешь? Того, что однажды проснешься в каком-нибудь подвале сидя в наручниках? Ты этого от него ждешь? Поверь – он может.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась Мэри, поднимая закатившийся под стол мундштук.

– Тогда зачем ты провоцируешь его на это?!

Если бы она могла объяснить...

– Если ты хочешь, я присмотрю, но мне будет сложно, – огромный светловолосый мужчина в неприметном сером свитере и простых черных джинсах обхватил лапищей высокий стакан с пивом и сделал глоток.

Алекс поморщился – что значит «будет сложно», разве когда-то у них было легко и просто? В конце концов, это не арабского шейха ликвидировать, а просто последить, чтобы некие люди случайно не завалили всего-навсего одну девчонку. Не такая великая задача.

– Джеф, я не прошу сверхъестественного. Мне нужно уехать по делам, это срочно, никак нельзя отложить. Недолго – самое большое – месяц, – ему вдруг почудились в собственном голосе просительные нотки, и Алекс рассердился – никогда никого не просил.

Джеф молчал. Он хорошо помнил, как пару лет назад уже выполнял просьбу Алекса и «присматривал» за странной девицей, влипшей в историю с каким-то шантажистом. Тогда все завершилось удачно, хотя не без тупа – но так получилось, у Джефа и его парней просто не оказалось выбора – мужик держал девчонку в машине, и никакой возможности поступить иначе не было. Алекс тогда хорошо заплатил, конечно, но желания иметь с ним дело снова у Джефа как-то не возникло. Тем более что на этот раз объектом «присмотра» оказалась абсолютно невменяемая девица, в которую, судя по лицу, Алекс был влюблен. А это не обещало ничего хорошего. Да и проблем у девицы было предостаточно – бывший муж, влиятельный бизнесмен, не чуждый криминала. Черт побери, где Алекс находит этих дамочек? Нет нормальных девиц, что ли, в этой стране и во всем мире?

– Мне неинтересны нормальные девицы, – вдруг проговорил Алекс, глядя на кончик сигареты, которую держал в руке, и Джеф вздрогнул – неужели сказал вслух? Или все, что говорят про Алекса, на самом деле правда?

– Да я не... – начал Джеф, но Алекс остановил его движением пальцев:

– Я понял. Так сделаешь?

Что оставалось Джефу?..

Марго брела по тротуару, то и дело натыкаясь на прохожих и не обращая внимания на злобные реплики типа «слепая корова» и «куда прешь, овца». Очередное собеседование окончилось еще хуже, чем все предыдущие. Работодатель оглядел ее с ног до головы, даже не взглянул на резюме и вдруг вальяжно бросил:

– Ну, что... Есть у меня работа для тебя, девочка. Сейчас дверь замкнем – ртом поработаешь. Согласна?

Марго сперва решила, что ослышалась. Но когда мужчина встал и пошел к ней, расстегивая брюки, она вскочила, дала ему по лоснившейся покрасневшей морде и выскочила за дверь, заливаясь слезами. Самое отвратительное заключалось в том, что это собеседование устроил хороший приятель, а оказалось вон что...

Поняв, что идти домой с таким лицом она не может, потому что Мэри сразу начнет выпрашивать, что да как, а рассказывать стыдно и противно, Марго свернула в переулок и спустилась в маленькую кофейню в полуподвале. Наскоро заказав латте и два круассана с ветчиной и сыром, она прошла в туалет и умылась. Лучше прийти с не накрашенным лицом, чем с зареванным – Мэри может и не заметить отсутствия косметики, а вот красные глаза моментально увидит и начнет приставать с расспросами, а этого, как раз, Марго не хотела.

Без аппетита съев круассаны и запив их остывшим кофе, она посидела еще несколько минут в кафе и, вздохнув, потянулась к телефону. Мэри не брала трубку, и это сразу насторожило Марго. Подруга никуда практически не выходила одна, особенно сейчас, в дождливую погоду – боялась поскользнуться, а опираться на костыль не хотела категорически. Хромота смущала Мэри, привыкшую к мужскому вниманию, а теперь же во взглядах читалось сочувствие, раздражавшее ее.

– Да! – раздался, наконец, в трубке чуть запыхавшийся голос, и Марго с облегчением выдохнула:

– Мэрик, ну что же так долго? Я начала волноваться!

– За что?

– За тебя.

– Господи, Марго! – рассмеялась Мэри. – Ты меня готова дома запереть и не выпускать.

– Надо будет – запру, – пообещала Марго. – Я еду домой, купить что-нибудь?

– Сама посмотри. И не теряй меня, я буду поздно, – и она положила трубку.

Марго всполошилась – так все-таки она не дома, ушла куда-то, и теперь не говорит, куда и с кем. Алекс пропал месяц назад, как обычно – ни звонков, ни смс. Интересно, с кем Мэри? Может, он вернулся? Хотя вряд ли – Мэри не стала бы встречаться с ним, а если бы и стала – то сказала бы непременно. Марго устала разбираться в запутанных отношениях бывшего мужа и подруги. Эти двое иногда напоминали ей умалишенных – при совершенно очевидном интересе друг к другу они ухитрялись сделать все, чтобы всякий раз при встрече разругаться в дым и не дай бог не оказаться ближе, чем на многие тысячи километров. Алекс улетал к себе в Цюрих злой и совершенно выбитый из равновесия, Мэри запиралась в комнате и не выходила сутками, курила, писала стихи или плакала. Марго искренне не могла понять – ну, почему, зачем они делают это? Разве так сложно взяться за руки и признаться, наконец, что они любят друг друга? И всем сразу станет легче, в том числе и самой Марго – она перестанет наблюдать за мучениями двух самых дорогих людей. Но никакие беседы с Мэри не давали плодов, а в том,

что причина именно в ее упрямстве, Марго не сомневалась. Она всячески старалась убедить Мэри, что никаких планов в отношении Алекса она больше не строит, что сам Алекс тоже вряд ли вернется к ней – но Мэри никаких резонов не слушала.

– Дело не в тебе, – твердила она всякий раз, пряча от подруги несчастные глаза. – Дело во мне, Марго. Я не могу...

– Да почему?! – в который раз недоумевала Марго, и однажды получила-таки ответ на свой вопрос. Мэри вздохнула, обхватила себя руками за плечи и выдала тихим бесцветным голосом:

– Потому что я люблю его.

Это признание не открыло Марго Америки, однако удивило – Мэри никогда не говорила о своих чувствах вслух, предпочитала отмалчиваться или писать стихи, листки с которыми потом Марго находила полусожженными в пепельнице.

Твоя печаль – моя отрада,

Твоя тоска – моя награда,
Твой гнев я жадно пью до дна —
Такая мне судьба дана.
Ты сердишься – а я ликую,
Ты жадно смотришь на другую,
Ты злишься, плачешь, хмуришь бровь,
И я влюбляюсь вновь и вновь.
И мне за гордость нет упрека,
Тобой наказана жестоко
Останусь я одна в ночи.

О, сердце жаркое, молчи!< Neris> – примерно такое она недавно прочитала, выуживая очередной обгоревший листок из мусорного ведра. Мэри страдала молча, выливаясь только стихами на листы и даже не сохраняя их.

...Она уже подходила к большому супермаркету, когда на нее неожиданно налетел мужчина и едва не сбил с ног.

– Осторожнее! – вскрикнула Марго, едва не упав в огромную лужу.

Мужчина поддержал ее за локоть, помог устоять на ногах и извинился с чуть заметным акцентом:

– Простите, я торопился, хотел догнать знакомую.

– Ну, так поспешите, а то она уйдет, – буркнула Марго, рассматривая забрызганные грязью брюки и прикидывая, во сколько обойдется чистка.

– Я, кажется, обознался, – с легкостью отказался от своих планов мужчина. – Позвольте, я помогу вам перебраться на тот берег этого коммунального озера, – галантно предложил он, показывая рукой на лужу, расположенную как раз вокруг крыльца супермаркета.

– Спасибо, – усмехнулась Марго. – Я уж как-нибудь сама... – но договорить не успела – мужчина легко подхватил ее на руки, не смущаясь довольно крупной комплекцией девушки, и перенес к крыльцу.

– Ну вот, теперь вы на суше. Всего доброго! – он развернулся, большим прыжком преодолел водное препятствие и скрылся за ближайшим домом.

Марго только рот открыла от удивления, покачала головой и вошла в бесшумно разьежавшиеся перед ней двери магазина. Она не знала, что в этот самый момент мужчина, стоя за углом, вынимает из кармана мобильный телефон и звонит кому-то.

Джеф выбросил сигарету и закрыл окно машины – промозглая ноябрьская погода повергала его в раздражение. Он узнал девицу, которую увидел рядом с «объектом». Это оказалась та самая Марго, которую он по просьбе Алекса вытаскивал из передряги пару лет назад. Все в его голове запуталось окончательно – выходило, что бывшая девушка Алекса живет в одной квартире с той, в которую он влюблен теперь? Кошмар какой-то. Но Алекс всегда был странным, многие его поступки и привычки вызывали у Джефа, да и не только у него, недоумение, если не сказать больше.

Черт с ним, с Алексом – но за этой Марго Джеф обнаружил слежку, и это ему не понравилось. Еще меньше понравилось то, что следивший за девушкой человек совершенно неожиданно пошел на контакт, даже перенес через лужу, а теперь стоит за углом соседнего дома и разговаривает по телефону. Джеф включил сканер и понял, что не разбирает ни слова. Язык оказался незнакомым, и Джеф решил записать разговор и послать диск Алексу – пусть разбирается сам. На крыльце магазина показалась Марго, в руках два больших пакета, на плече – объемная сумка, и этим же плечом она прижимала к уху мобильный телефон. Джеф тихонько тронулся с места, последовал за Марго на невысокой скорости, стараясь не потерять ее из виду и не особенно привлечь внимание к своей машине. Неприметный белый «форд» оказался именно тем, что требовалось – таких машин полна Москва, и даже во дворе дома, где жил «объект», их было не менее трех – редкая удача. Сегодня за рыжеволосой девушкой следовал напарник Джефа Айван – почти Иван. Они всегда работали в паре, понимали друг друга с полуслова. Кроме того, Айван совершенно свободно говорил по-русски, что Джефу удавалось с трудом – акцент никак не исчезал, сколько не тренируйся. Поэтому в ситуациях, сопряженных с личным контактом, Айван был на первых ролях. Джеф разработал в отношении рыжеволосой Мэри план, который подразумевал ее знакомство с Айваном – так было легче контролировать ее передвижения, хотя до последнего времени никуда девушка не выходила. Однако пару недель назад она вдруг начала посещать занятия в клубе бального танца, что несказанно удивило Джефа – она явственно хромала на левую ногу, какие уж тут танцы. Но после разговора с Алексом Джеф понял причину. Оказалось, что эта самая Мэри раньше танцевала профессионально, была чемпионкой и все такое.

– Значит, танцует снова? – обрадовано проговорил Алекс, узнав о посещениях клуба. – Это прекрасно.

Что прекрасного в танцах, Джеф не понимал, да его это и не интересовало. Он дал себе слово выполнить это задание и больше никогда не пересекаться с Алексом и его сумасшедшими девками. Никогда, ни при каких условиях.

Мэри взяла карточку, выброшенную банкоматом, и вздохнула. Только что она сняла с нее последние пятнадцать тысяч. Деньги растаяли, как мороженое в пустыне Сахара. Задуманная Марго месяц назад смена имиджа здорово ударила по кредитной карте Мэри, но сопротивляться натиску подруги она не стала, привыкнув за эти годы доверять ее вкусу и мнению. Правда, к чему ей это сейчас. Мэри не понимала. Книги в количестве трех штук висели в компьютере, и она категорически запретила Марго прикасаться к ним.

– Не понимаю, чего ты упрямисься! – негодовала Марго. – Это ведь шанс. Ты сейчас прекрасно выглядишь, у тебя на руках три готовых книги, у тебя отличная для рекламы легенда, ты типа французская писательница – чего еще?

– Марго, я не хочу. Понимаешь, я не готова обивать пороги и выслушивать отказы.

– Тебе не придется! – горячо убеждала подруга. – Ведь я твой агент, твой менеджер – я все возьму на себя. Да ты только представь – когда я упомяну, что у тебя во Франции были приличные тиражи...

– Хватит, Марго, я все сказала.

Сегодняшняя распечатка о состоянии счета повергла Мэри в уныние. Брать деньги с их с Марго общего счета она не хотела, да и существовала договоренность не трогать эти деньги без острой нужды, тем более что сумма была невелика. Но жить-то надо каждый день – есть, пить, одеваться, сигареты те же покупать, танцы оплачивать. Танцы...

Она попала в этот клуб случайно, увидела вывеску, зашла и осталась. Небольшой зал в полуподвале, зеркала почти до потолка, две раздевалки, тренерская – все было почти так, как в ее прежнем клубе в родной Сибири. Ее приняла администратор – улыбчивая пожилая женщина с высокой прической, подтянутая, в строгом сером костюме, она показалась Мэри очень увлеченной своим делом. обстоятельно выяснив возраст, пожелания и степень подготовки, администратор предложила ей несколько вариантов расписания. Мэри умолчала о своем классе и об участии в турнирах, а чтобы оправдать навыки, которые не спрячешь, как ни старайся, сказала, что несколько лет занималась в хобби-группе.

Посещать групповые занятия в «Аллегро» она отказалась, стесняясь хромоты, а потому работала индивидуально с тренером – средних лет мужчиной с яркой внешностью и пронзительными зелеными глазами. Владимир с первых же минут индивидуального занятия понял, что имеет дело не с дилетанткой, а с крепкой профессиональной танцовщицей, пусть и травмированной.

– Послушайте, Мэри, а откуда у вас такое имя? – поинтересовался он между делом.

– Это модификация. Я несколько лет жила в другой стране, привыкла.

– То есть все-таки Мария?

– Да. Но зовите меня Мэри, хорошо? Я привыкла.

– Как скажете, – пожал плечами Владимир. – А ведь вы мне неправду сказали, Мэри. Вы не с хобби-группы. Вы танцевали раньше не ниже, чем по международному классу.

Она остановилась, сбившись с ноги, опустила голову.

– Простите.

Он рассмеялся, довольный тем, что девушка призналась в обмане.

– А почему скрыли?

Мэри подняла на него голубые глаза, в которых Владимир с удивлением заметил слезы:

– А как вы думаете? Да, я имела международный класс, я танцевала на престижных турнирах, я занимала призовые места – и в один момент все закончилось. Авария – и все, нога искалечена, шансов нет... – она заплакала, опустилась на паркет, вытянув вперед больную ногу.

Владимир сел рядом, протянул бумажную салфетку:

– Не нужно плакать. Травма – не приговор. У меня оперировано колено, я несколько месяцев восстанавливался, но смог вернуться, и танцевал еще несколько лет, пока не решил – хватит, пора бросать и не мотаться туда-сюда с кофром на плече.

Она вытерла глаза, вздохнула и, помолчав пару минут, сказала:

– А я никогда не перестала бы... если бы не... – и осеклась, став на секунду испуганной и затравленной. – Ну, это неважно, – добавила она быстро. – Авария, понимаете?

Владимир понимал. Ему нравилась эта стройная рыжеволосая женщина, с ней было удобно танцевать да и общаться, как оказалось, тоже интересно. И он, осмелев, пригласил ее в кафе. И она согласилась.

Айван, худощавый блондин с чуть горбатым носом, глубоко посаженными серыми глазами и узкими, всегда иронично улыбающимися губами, сидел в припаркованной около здания клуба «Аллегро» машине и жевал купленный в ближайшей забегаловке бутерброд с котлетой и сыром. На сиденье рядом стояла открытая банка энергетического напитка – Айван не спал больше суток. Бутерброд казался резиновым, вкус котлеты напоминал бумагу, но мужчина понимал – это от усталости все ощущения притупились, все раздражает. Нужно выспаться – и все пройдет. Но во сколько он сегодня доберется до дома, Айван даже предположить не

мог. Эта Мэри оказалась весьма сложным объектом, казалось, что она чувствует наблюдение и то и дело проверяет свою догадку. Айвану приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы она не увидела его и не смогла узнать в следующий раз. Джеф явно недооценил ее, когда сказал, что работать будет просто.

– Скажи, ты ему денег должен? – как-то поинтересовался Айван, имея в виду заказчика, и Джеф усмехнулся:

– С чего ты так решил?

– А просто все, что с ним связано, непременно какое-то... не знаю, странное. И женщины у него... одна больная, запуганная, вторая – вообще вон хромая. Он что – питает страсть к инвалидам, а? Где он их находит, таких? Да еще чтобы с проблемами непременно, а как же – неинтересно ведь по-другому! – Айван закурил, а Джеф неожиданно для себя оглянулся по сторонам, хотя разговор происходил в квартире Айвана. Но после того, что сказал напарник, Джефу на секунду показалось, что их здесь трое, и за слова Айван может жестоко поплатиться.

– Ты бы не лез туда, где ничего не понимаешь, – посоветовал Джеф. – Это не наше дело. Деньги платит – и все, больше нас ничего не интересует.

Айван усмехнулся и пожал плечами. Они с Джефом были давно знакомы, вместе вернули немало опасных дел, не раз прикрывали друг друга и спасали от смерти, а потому пикироваться из-за работы смысла не имело. Больше Айван не заговаривал на эту тему, ему, по большому счету, было все равно, каких женщин предпочитает заказчик, хотя надо отдать тому должное – внешне девицы были хоть и совершенно разными, но безусловно привлекательными. И высокая, крупная, яркая Марго, и худая, стройная рыжеволосая Мэри, которую он «проводил» сегодня. Нужно было выдумать какой-то ненавязчивый повод для знакомства, но в голову ничего не шло от усталости, а потому Айван решил не рисковать и отложить это на другой день. Сегодня он просто проследит, чтобы Мэри без происшествий добралась до дома.

Алекс ничком лежал на кровати в спальне цюрихского дома. Болела голова – наверное, не стоило пить, но иначе он никак не мог расслабиться и перестать думать о том, что происходит сейчас в Москве. Все запуталось – Марго, Мэри, его отношение к одной, его обязательства перед другой.

«Бросить бы все к чертовой матери и уехать».

Он сел, поджав ноги по-турецки. Уехать... а ведь это была мысль. И было даже место, где его всегда ждали и где всегда были искренне рады его видеть.

– Костя, ты был прав. Она в Москве, и я нашел дом, в котором она живет.

– В этом я не сомневался. Что ты думаешь делать?

– Посмотрю по обстановке.

– Помни – она нужна мне живая. Только живая, понял?!

– Да, я понял, не волнуйся. Все сделаю в лучшем виде.

Мэри с удовольствием посещала занятия в «Аллегро». Танцевать с Владимиром оказалось легко, тренированное тело быстро вспомнило все, что умело, а потому совместная работа с тренером доставляла только радость. Владимир был к тому же приятным собеседником, и они часто вместе заглядывали в ближайшее кафе, чтобы расслабиться и поговорить. Владимира дома никто не ждал – он был разведен, жил один. Зато вот у Мэри с этим начались проблемы. Марго вдруг стала подозрительно принохиваться, встречать ее у порога и пристально смотреть в глаза, словно проверяла, не пьяна ли Мэри. Это раздражало.

– Я тебе что – школьница? – возмущенно спросила она как-то, и Марго, тяжело вздохнув, проговорила:

– Я постоянно боюсь.

– Чего?

– Мэри... мне не нравится твое состояние. Ты все время взбудораженная, возбужденная какая-то...

– И ты, конечно, моя проницательная, решила, что я снова начала баловаться кокаином, да? – насмешливо протянула Мэри, разматывая длинный шарф и расстегивая пальто.

Марго виновато опустила голову, и Мэри, расхохотавшись, обняла ее за плечи:

– Ну, что ты, дурочка моя! Я ведь обещала – никогда больше. А состояние у меня такое, потому что я снова танцую, Марго. Снова – понимаешь, почти как раньше.

– Это хорошо, Мэрик, но...

– Что? – сразу напряглась Мэри, услышав в голосе подруги странные нотки.

Марго снова вздохнула, отошла к обувной полке и тихо ответила:

– Звонил Алекс.

– О, понятно! – фыркнула Мэри. – Давно не было!

Она прошла в спальню Марго, где стоял большой платяной шкаф, вытянула с полки свои гетры и старый тренировочный комбинезон, в котором ходила дома, наскоро переоделась и пошла в кухню. Марго уже переместилась туда, сидела за столом, вяло помешивая ложечкой чай. Золотистый ломтик лимона плавал в чашке, покачиваясь на поверхности коричневатой жидкости. Мэри налила себе сок, села на привычное место в углу и закурила, закинув ноги на батарею.

– Не спросишь, чего он хотел? – глядя в чашку, поинтересовалась Марго.

– Нет, не спрошу. Мне безразлично, – почти весело отозвалась Мэри, с наслаждением затягиваясь дымом.

– Это неправда.

– Н-да? – левая бровь Мэри чуть приподнялась, придав лицу удивленно-ироничное выражение.

– Да. Когда тебе надоест врать, Мэри? Я ведь не слепая.

– Ой-ой-ой, – протянула Мэри уже без тени иронии и вдруг зло ткнула сигарету в пепельницу, отбросила мундштук так, что он перекатился через весь стол и упал на пол, и уставилась прямо в глаза Марго. – Не слепая, да? А раз не слепая, то должна увидеть – мне *не нужен* твой Алекс, понимаешь?! Не нужен ни в каком виде! И без него все отлично, понятно?! Все!

Она сорвалась из-за стола и почти бегом скрылась в большой комнате. Марго вздрогнула от удара закрывшейся двери, как от пощечины. Посидев неподвижно еще несколько минут, она взяла телефон и набрала номер, который никогда не заносила в книжку, так как помнила наизусть.

– Что тебе нужно, Марго?

– Алекс... ты был прав. У нее действительно роман, и она не говорит, с кем.

– Я прекрасно знаю, с кем. Если это все, то давай прощаться, меня ждут.

– Кто? – непроизвольно вырвалось у Марго, и она тут же прикусила язык, но было поздно.

– Это не твое дело.

Разумеется! Как всегда! В его жизни постоянно что-то меняется, что-то происходит – и только она, Марго, неизменна, и только она слышит эту фразу про «не твое дело»!

Захотелось плакать, но она удержалась, пошла к себе и легла на кровать, отвернувшись к стене. Из соседней комнаты был слышен разговор – Мэри звонила кому-то, и по тону Марго поняла, что адресатом был не Алекс – никогда Мэри не говорила с ним таким мягким, нежным голосом. Марго даже не подозревала, что подруга вообще способна на такой тон.

– ...да, я тоже, – мяукала Мэри. – Конечно... ой, это просто здорово! Да, договорились. Покааа... – выдохнула она последнее слово, и почти сразу Марго услышала, как подруга направляется в ванную.

Зашумела вода, потом загудел фен – определенно Мэри куда-то собиралась. Марго размышляла, стоит ли спрашивать, или все-таки перемолчать, не усугублять ситуацию и не раздувать угли в костерке назревающей ссоры. Решив, что Мэри сама скажет, если захочет, Марго немного успокоилась.

В коридоре постукивали каблучки – значит, Мэри красит глаза перед большим зеркалом, постукивая при этом ногой по полу – эта привычка раньше удивляла Марго. Не выдержав, она все-таки встала и вышла в коридор. Мэри действительно заканчивала макияж, стояла перед зеркалом в сапогах на невысоком каблучке, в короткой юбке и тонкой трикотажной водолазке. На появившуюся из спальни Марго она даже не взглянула, бросила тюбик туши в косметичку, оглядела себя с ног до головы и взяла патрончик помады.

– Возьми другую, эта слишком вечерняя, – не вынесла Марго, и Мэри фыркнула:

– Спасибо, мадам стилист. Я учту ваши советы, – но помаду сменила.

– Ты поздно вернешься?

– Может, совсем не вернусь.

– А...

– Это не твое дело, Марго, – и Мэри, чмокнув подругу в щеку, выпорхнула за дверь, оставив в прихожей холодный аромат любимого «Кензо».

Марго не вынесла и расплакалась, сев на пол – второй раз за вечер ее щелкнули по носу, а у нее даже не хватило сил ответить. И времени не хватило...

Мэри вышла из подъезда и поморщилась – опять грязно и сыро, что за зима здесь? После сибирских морозов, после огромных сугробов, укрывавших все почти на пять месяцев, Москва удивляла ее своей нестабильной погодой и почти полным отсутствием снега.

Мэри спустилась с крыльца и медленно пошла в сторону дороги – Владимир обещал подъехать и забрать ее. Неприятное ощущение чужого взгляда, преследовавшее ее уже несколько недель, снова появилось, и Мэри резко обернулась назад, однако ничего не увидела – как, впрочем, и всегда. «Паранойка какая-то, сдурела я совсем с этим Алексом», – раздраженно подумала она и решительно вышла из двора на ярко освещенную улицу. Машина Владимира – довольно новый «Фольксваген» – уже стояла за автобусной остановкой. Мэри, стараясь не хромать, ускорила шаг, но в последний момент вдруг снова обернулась – из двора выезжал белый «форд».

– Господи, вот я дура, – пробормотала она вслух. – Это ведь из нашего дома мужик, на седьмом этаже, кажется, живет. Точно – спятила.

Айван, сидя за рулем «форда», проклинал слишком наблюдательную девицу – теперь ему придется заложить приличный круг с риском потерять из виду темно-синий «Фольксваген». Какого черта она все время вертит по сторонам головой, спрашивается?! Как будто знает, что за ней постоянно следует кто-то из них! Интересно, Джефу тоже приходится вертеться, как флюгеру, или ему везет больше?

Он на максимально возможной скорости объехал квартал и начал судорожно вглядываться в движущиеся впереди машины. Найдя «Фольксваген», Айван почувствовал облегчение – теперь все в порядке. Стараясь держаться на предельном расстоянии, он проводил Мэри и ее спутника почти до самого подъезда большого старого дома, подождал, пока в окнах на седьмом этаже загорится свет, и только после этого позвонил Джефу.

Айван убрал мобильный в карман и не заметил, как на противоположной стороне двора показался голубой «Ситроен» и припарковался так, чтобы из его окон был виден подъезд, в котором скрылись Мэри и ее спутник.

– Входи, – Владимир гостеприимно распахнул дверь квартиры, пропуская девушку вперед.

Мэри вошла и огляделась. Просторная прихожая, золотистые обои на стенах, два бра в виде канделябров по сторонам зеркала в тяжелой бронзовой раме, небольшой пуфик возле полки для обуви, рядом – высокая корзина, в которой видна рукоять зонта и свернутые в трубку журналы. В приоткрытую дверь большой комнаты виден диван – обивка золотистая, как обои, небрежно брошены несколько подушек, на стеклянном столике пепельница, ваза с мандаринами, опять журналы.

– Ну, проходи, что ты на пороге стоишь, – Владимир помог Мэри снять пальто и присел, расстегивая «молнии» на сапогах. Его рука скользнула чуть выше, погладила колено, и Мэри фыркнула:

– Ты не слишком торопишься?

Он рассмеялся:

– Не поверишь – боюсь не успеть.

– Это ты о чем?

– Боюсь, что передумаешь и сбежишь.

Мэри посмотрела ему в глаза серьезно и чуть грустно, покачала головой и сказала:

– Я практически никогда не поворачиваю назад, Володя. Если я пришла сейчас сюда, то должно произойти что-то из рук вон, чтобы я изменила решение.

Владимир улыбнулся, взял ее за руку и повел в большую комнату. Там не оказалось верхнего света – только торшер в виде цветка лилии около мягкого кресла, в которое Владимир бережно усадил Мэри.

– Побудь одна пару минут, я сварю кофе.

Он щелкнул пультом, и из колонок полилась медленная музыка. Мэри чуть сморщилась – нельзя быть таким маньяком-трудоголиком, чтобы и дома слушать румбу. Но музыка все-таки была приятной, и девушка расслабилась, откинулась на спинку и закрыла глаза. Из кухни доносился звук кофемолки, постукивание чашек, опускаемых, видимо, на поднос, потом к звукам примешался аромат готовящегося напитка. Мэри почувствовала себя совсем спокойно и уютно, почти как дома. В какой-то момент ее сморило, а когда она открыла глаза, то едва не закричала от ужаса – перед ней на корточках сидел Алекс в пальто и неизменном шарфе.

– Что... что ты... тут делаешь?! – инстинктивно подбирая под себя ноги, прошептала Мэри, и увидела злость в его глазах:

– Пытаюсь не дать тебе надеть глупостей! Идем отсюда.

Этот тон и эта «хозяйская» фраза мигом вернули Мэри в нормальное состояние.

– Н-да?! И куда же это мы пойдем, стесняюсь я поинтересоваться?!

– А ты не стесняйся, поинтересуйся, – спокойно посоветовал Алекс. – Я отвечу. Домой пойдем.

– Домой?

– А что тебя так удивило? Домой.

Он принес сапоги и пальто, бросил все на пол и демонстративно отвернулся к окну, заложив руки за спину. Мэри лихорадочно соображала, что происходит, как Алекс попал сюда, и где, в конце концов, Владимир?

– Твой приятель в кухне, с ним все в порядке. Но тянуть руки к чужому я ему отсоветовал. Одевайся, я жду.

Эти слова совершенно добили Мэри. Мало того, что Алекс ворвался в квартиру, командует тут, так еще и искренне считает, что имеет на это полное право! Похоже, Марго не превеличила по своей давней привычке, а даже несколько приуменьшила степень его ненормальности.

– Я никуда с тобой не поеду, – решительно сказала она, вцепляясь пальцами в подлокотники кресла.

Алекс повернулся, оглядел ее с ног до головы, раскачиваясь на носках туда-сюда, потом резко рванул Мэри за руку к себе, и, как она не сопротивлялась, поднял на руки и понес из квартиры.

– Лучше не кричи, мне не хочется тебя бить, но, чувствую, придется, – процедил он в лифте, и она замолчала. Какой тяжелой может быть рука Алекса в гневе, она прекрасно помнила, получив однажды в Цюрихе полновесную оплеуху.

Уличный холод обжег Мэри, она задрожала, и Алекс крепче прижал ее к себе, шепнув на ухо:

– Потерпи, машина рядом.

Он усадил ее на заднее сиденье, снял свое пальто и бросил туда же:

– Завернись, согреешься.

– Отвали! – буркнула смирившаяся со своей участью Мэри, поняв, что сейчас проще не сопротивляться.

Они долго петляли какими-то переулками и дворами, и у Мэри, плохо знавшей город, в голове вообще все перемешалось. «Если сбегу – не выберусь», – обреченно думала она, глядя на меняющиеся за окном пейзажи. Уже совершенно стемнело, некоторые дворы полностью погрузились в темноту, и девушка поняла, что эту ночь ей придется провести черт знает где, да еще в такой компании. Блуждать по темным подворотням совершенно не хотелось, да и без сапог как-то неудобно.

– Алекс... куда ты меня везешь?

– Потерпи – узнаешь. Почти приехали.

Он, наконец, припарковался у какого-то дома, и Мэри попыталась посмотреть название улицы на табличке, однако лампочка над ней оказалась разбита. Алекс снова взял девушку на руки и усмехнулся:

– Видишь, что делается? Даже сама дойти не можешь, приходится от меня зависеть, да, Мэри?

Она промолчала.

В квартире, куда принес ее Алекс, было темно и пахло почему-то сладкими духами. Заметив, как Мэри повела носом, он усмехнулся:

– Ну, да, была женщина. А ты что же думала?

– Почему я должна о чем-то думать?

– А тебе неприятно, Мэри, – заметил он, опуская ее на пол.

Мэри пожала плечами:

– Не лсти себе. Мне все равно. Я просто не понимаю, зачем ты меня притащил сюда? С какой целью? Будешь требовать у Марго выкуп? Или... – она внимательно посмотрела на запирающего дверь Алекса и продолжила: – Или ты все-таки нашел общий язык с моим супругником, а? И как скоро я смогу лицезреть господина Кавалерьянца? Денег-то хоть нормально попросил, не останешься обиженным?

Алекс сперва не понял, о ком речь, но когда до него дошел смысл слов Мэри, он изменился в лице. Выкинув вперед руку, он схватил девушку за горло, притянул к себе и зашипел, глядя в ее расширившиеся от страха глаза:

– Не смей разговаривать так со мной! Никогда не смей! Я не опущусь до того, чтобы торговать женщиной, запомни! – он оттолкнул Мэри от себя и пошел вглубь квартиры, на ходу ругаясь на незнакомом ей языке.

Мэри схватилась рукой за горло, закашлялась, хватая воздух и пытаясь восстановить дыхание. Потекли слезы, смешивались с тушью и щипали глаза. Она побрела вслед за Алексом и нашла того в просторной кухне – он курил, глядя в темное окно.

– Прости... – хрипло проговорила Мэри, но он даже не обернулся.

Постояв в дверном проеме еще пару минут, она развернулась и отправилась искать ванную. Собственное отражение испугало – ужас, глаза размазались, волосы, уложенные до этого в идеальную прическу, растрепаны, помада стерлась. Ведьма...

Умывшись, Мэри почувствовала себя чуть лучше, пусть и без косметики. Она совершенно не знала, как себя вести теперь, что делать, даже как просто выйти из ванной, что сказать. «Черт, ну, надо же было такое ляпнуть»...

– Ты здесь? – в дверь постучали, и Мэри с облегчением вздохнула – сам пришел.

– Да...

– Если нужно, там халат.

– Я поняла...

– И выходи, хватит уже реветь, терпеть этого не могу.

Она вышла, не став, однако, переодеваться, и заметила недовольное выражение на лице Алекса.

– Так и будешь в юбке спать?

– Спать?

– А ты собираешься бодрствовать? – усмехнулся он, усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу. – Будем опять разговаривать, да, Мэри? Ты станешь объяснять мне, почему не хочешь быть со мной, станешь плакать и говорить, что не можешь предать Марго, да? А вот я устал доказывать тебе, что мы с Марго давно уже не любовники, не бывшие супруги даже – этому вообще названия нет ни в одном языке. И когда ты это поймешь, Мэри, всем сразу станет проще. И тебе, и мне, и даже Марго.

– Зачем я тебе, Алекс? – Мэри присела на диванный подлокотник и посмотрела на Алекса, постукивавшего пальцами по колену. – Я ведь вижу – ты не меня любишь, тебе просто нужно восстановить репутацию офигенного кобеля в своих же глазах. А то непорядок – как это, нашлась баба, которой твои распрекрасные глаза по фигу оказались, да? Нет, это непорядок! Надо срочно что-то поменять! Срочно!

На его губах заиграла непонятная ухмылка, но Мэри не обратила на это никакого внимания, распаляясь от собственных слов.

– Ты думаешь, что для всех одинаково неотразим? А как же! Просто так получилось, что тебе попадались исключительно такие женщины, которые приходили от тебя в экстаз! А я, видишь ли...

– Вижу! – он вскочил и ринулся к ней, опрокинул на диван, срывая одежду. Мэри растерялась настолько, что даже не сразу поняла, что происходит. Когда же, наконец, она смогла нормально соображать, ярость захлестнула ее, но справиться с возбужденным и доведенным до крайней степени кипения мужчиной шансов у девушки не было. Ни слова, ни слезы не помогали, следовать же старой заповеди «расслабься и получи удовольствие» Мэри никак не могла, находясь в эмоциональном шоке. А он неожиданно становился нежнее с каждым движением, с каждым поцелуем – и она слегка оттаяла, начала даже откликаться, обхватила ногами его бедра и выгнулась.

– Так бы и сразу, Мэри... – прохрипел он, целуя ее шею. – Не надо сопротивляться...

Когда Алекс в буквальном смысле свалился на пол, она вдруг свернулась в клубок и зарыдала, стараясь приглушить звуки подушкой.

– Мэри, я ведь тебя просил... – примирительно проговорил Алекс, садясь на край дивана, и положил руку на вздрагивающую спину девушки. – К чему эти сложности?

– Не трогай меня, – прорыдала Мэри, вздрагивая от его прикосновения. – За что ты так..?

– Ты слишком долго упиралась, Мэри, – он прикоснулся губами к холодной коже спины, и девушка напряглась, выгнулась, стараясь спрятаться от этих поцелуев. – Ну, что ты, Мэри...

Прости, я, конечно, не должен был... но твои слова... Никогда не говори подобного мужчинам, иначе эта ситуация будет повторяться. Идем в душ, а?

– Оставь меня в покое, неужели так трудно понять?!

Но Алекс не слушал, подхватил ее на руки и понес в душ. Мэри, разозлившись, укусила его за плечо, но, разумеется, никакого эффекта это не произвело. Только под водой Мэри смогла немного успокоиться. Она стояла под тугими струями, отгородившись от Алекса прозрачной занавеской, он же курил, присев на край ванны, и рассматривал силуэт Мэри.

– Я столько раз видел тебя в разных...хм... состояниях, и мне даже в голову не приходило...

– Что? – переспросила она, выглядывая из-за занавески. С волос стекали капли, ударяясь о борт ванны.

– Мне не приходило в голову поступить так, как сегодня. Как думаешь – это помогло бы нам сблизиться раньше?

– Ты издеваешься? – брови Мэри взмыли вверх. – Ты что же – искренне считаешь, что все, теперь все будет так, как ты хочешь? Что я теперь буду с тобой?

Он бросил сигарету и отдернул занавеску. Мэри инстинктивно повернулась боком, прикрыв рукой грудь.

– То есть?

– Алекс, выйди отсюда, а? Я совершенно серьезно говорю – между нами ничего не будет. Никогда – понима... – договорить она не успела, прижатая к холодному кафелю. Алекс вцепился ей в плечи и поцеловал, не обращая внимания на попытки сопротивления.

В этот момент раздался звонок, и Алекс с сожалением оторвался от Мэри:

– Кого там несет? Подожди секунду, я скоро вернусь.

Он накинул халат и вышел, закрыв зачем-то дверь на защелку снаружи. Мэри выключила воду, протянула руку к полотенцу и вдруг услышала мужскую речь и выстрел. Зажав полотенцем рот, она опустилась на коврик и замерла. По квартире кто-то торопливо ходил, слышался стук падающей мебели, ругань и разговоры. Мэри поняла, что людей двое, и, к собственному ужасу, она явственно различила армянскую речь.

«Господи, это же за мной»...

Она перестала дышать, замерла на полу, стараясь не привлечь внимание рыскающих по квартире людей к ванной. Но вот все стихло, и Мэри вдруг подумала – а как же Алекс? Что с ним? А если...

От пришедшей вслед за этим мысли ей стало плохо. Кое-как завернувшись в полотенце, она попыталась открыть дверь, но та была заперта снаружи. Мэри взвыла в бессильной ярости, начала молотить крепкое дерево кулаками и здоровой ногой, но все тщетно. Порывшись в ящиках, она нашла пилочку для ногтей, чему обрадовалась как алмазу «Граф Орлов». В замке Мэри ковырялась долго, не имея практики в подобных мероприятиях, однако ей удалось, наконец, открыть его и выскочить в коридор.

Алекс лежал в прихожей на левом боку, вокруг все перевернуто, а под неловко подогнутой под тело рукой растеклась небольшая темная лужица. Мэри в ужасе отступила назад, закрыв руками рот, но потом подумала, что нужно ведь что-то делать, вдруг он еще жив. Стараясь не трястись, она подошла ближе и опустилась на колени. Алекс дышал, но очень редко и поверхностно. Не имея никакого опыта в лечении подобных ранений, да и вообще никакого опыта, кроме как приложить лед к синяку или натереть ногу разогревающей мазью, Мэри совсем растерялась и запаниковала. Даже «скорую» она вызвать не в состоянии, потому что не знает адреса.

Марго! Вот кто поможет ей – Марго!

Мэри кинулась искать телефон, нашла в самой дальней комнате и набрала номер. Марго не отвечала.

– Ааа! Ну, где тебя носит, когда ты так нужна?! – взывала Мэри, швыряя трубку.

Нужно было что-то делать с Алексом, не оставлять же его лежать на полу в коридоре. Мэри обошла неподвижное тело, прикидывая, как же ей перетащить его хотя бы на диван, потому что до спальни она явно не дотянет. Алекс был не огромным, но все же довольно крупным, а обездвиженное тело весит еще больше, словом, задача стояла непростая. Мэри с огромным трудом сумела волоком дотащить его до дивана, без сил села на пол, переводя дыхание перед последним рывком – нужно было как-то ухитриться поднять Алекса на сам диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.